

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

1981

7

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

7

1981

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР Э. Ю. ЮСУПОВ (*главный редактор*), акад. АН УзССР С. К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, акад. АН УзССР С. К. КАМАЛОВ, акад. АН УзССР К. И. ЛАПКИН, акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*зам. главного редактора*), акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР М. А. АХУНОВА, член-корр. АН УзССР М. Б. БАРАТОВ, член-корр. АН УзССР П. Г. БУЛГАКОВ, член-корр. АН УзССР М. К. КОШЧАНОВ, член-корр. АН УзССР Г. А. ПУГАЧЕНКОВА, член-корр. АН УзССР, С. П. ТУРСУНМУХАМЕДОВ, член-корр. АН УзССР Х. Т. ТУРСУНОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук А. А. АСКАРОВ, доктор филол. наук А. П. КАЮМОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. главного редактора*), доктор ист. наук А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ, доктор филос. наук Ж. Т. ТУЛЕНОВ (*зам. главного редактора*), доктор филос. наук К. Х. ХАНАЗАРОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

*Адрес редакции: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Телефоны: 33-47-12, 39-04-83.*

*Редактор А. А. Вильчинская
Технический редактор Л. П. Тюрина*

Сдано в набор 0.30.78. Подписано к печати 17.07.81. Р14337. Формат 70×108^{1/16}. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 4,9. Уч. изд. л. 5,1 л. Тираж 1355. Заказ 123. Цена 40 к.

Адрес Издательства: 700047. Ташкент, ул. Гоголя, 70.
Типография Издательства «Фан» УзССР. Ташкент, проспект М. Горького, 79.

© Издательство «Фан» УзССР, 1981 г.

Т. РАХИМБАБАЕВА, Л. АБАСОВА

**О ФОРМАХ КУЛЬТУРНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА НАРОДОВ СССР
НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ**

Одним из главных факторов культурного развития многонационального Советского государства являются равенство и суверенитет народов нашей страны, их духовное родство, братское сотрудничество.

«Жизнь убеждает,— указывал Л. И. Брежнев,— что интенсивное экономическое и социальное развитие каждой из наших республик ускоряет процесс их всестороннего сближения. Происходит расцвет и взаимообогащение национальных культур, формирование культуры единого советского народа — новой социальной и интернациональной общности. Этот процесс идет у нас так, как он должен идти при социализме: на основе равенства, братского сотрудничества и добровольности»¹.

Сотрудничество советских народов формировалось как необходимая закономерность нового способа производства, социалистического типа отношений между людьми; оно помогло ранее отсталым народам за короткий срок совершить гигантский путь к вершине прогресса, добиться фактического равенства.

«Сегодня мы уже с полным правом можем сказать,— подчеркивает Л. И. Брежнев,— наша культура — социалистическая по содержанию, по главному направлению своего развития, многообразная по своим национальным формам и интернационалистская по своему духу и характеру. Она представляет собой таким образом органический сплав создаваемых всеми народами духовных ценностей»².

Создание материально-технической базы коммунизма, развитие коммунистических общественных отношений, наш советский образ жизни обуславливают всемерное углубление, расширение культурного сотрудничества наций. «С победой коммунизма,— говорится в Программе КПСС,— произойдет еще большее сближение наций, возрастет их экономическая и идейная общность, разовьются общие коммунистические черты их духовного облика»³. Процесс сближения и взаимовлияния культур — это закономерное для социалистического общества явление. Он способствует формированию в каждой из национальных культур общих черт, присущих многонациональной советской культуре. В братской семье народов узбекский народ добился выдающихся успехов в развитии всех форм социалистической культуры, пополнил бесценную сокровищницу советской интернациональной культуры.

Одной из форм сотрудничества, получивших за последние годы широкое распространение, являются связи в области народного обра-

¹ Брежнев Л. И. Отчетный доклад Центрального комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 77.

² Брежнев Л. И. Лениным курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1974, с. 60.

³ Программа Коммунистической партии Советского Союза. М., 1976, с. 113.

зования, в том числе взаимный обмен делегациями школьных учителей, поездки с целью ознакомления с работой и передовым опытом ведущих педагогов страны.

Большую помощь в обмене опытом работы учителей оказывают такие журналы и газеты, как «Народное образование», «Семья и школа», «Русский язык в национальной школе», «Учительская газета». На страницах периодической печати работники народного образования делятся своим опытом, вносят предложения по улучшению школьного образования.

Распространенной в последнее время стала переписка школьников братских республик, в том числе Узбекистана. В своих письмах учащиеся рассказывают о культуре, быте, жизни своей республики. В результате такого взаимного обмена ребята знакомятся с культурой различных народов страны.

Большую работу ведут клубы интернациональной дружбы, организованные и во многих школах республики. С их помощью школьники знакомятся с национальными традициями разных народов, расширяют дружеские связи между детьми различных национальностей. Дружбу между школьниками братских республик укрепляют всесоюзные и республиканские слеты пионеров, поездки учащихся во время каникул в различные города страны.

Усиливается сотрудничество братских республик в области высшего образования и науки. В целях координации работы вузов при Министерстве высшего и среднего специального образования СССР создан совет по высшей школе, а в ряде крупных вузовских центров — советы ректоров. Общесоюзный совет на основе обобщения передового опыта вырабатывает и рассылает рекомендации по главным направлениям деятельности вузов, занимается вопросами перспективного планирования распределения и использования специалистов, повышения квалификации научно-педагогических кадров для вузов всех республик и т. д.

В решениях XXV съезда КПСС был намечен комплекс мероприятий, направленных на удовлетворение потребностей союзных республик в кадрах для различных отраслей промышленности, сельского хозяйства и культуры. Осуществляя решения съезда, компартии союзных республик, в том числе Узбекистана, определили конкретные меры по дальнейшему расширению сотрудничества в этой области. Главнейшие из них — широкое развитие межреспубликанской специализации и кооперирования в подготовке кадров высшей квалификации, улучшение работы по внеконкурсному направлению в вузы молодежи из отдаленных районов; совершенствование координации, специализации и творческого сотрудничества педагогов высших учебных заведений в исследовании актуальных проблем экономики, культуры, опыта социалистического и коммунистического строительства.

За 1966—1977 гг. вузы Узбекистана подготовили для других республик 1316 специалистов различного профиля. В свою очередь, только за годы девятой пятилетки в Узбекистан из других республик было направлено 5,5 тыс. специалистов высшей квалификации, 950 преподавателей, окончивших аспирантуру в центральных вузах. В 1977 г. в вузах страны из УзССР обучались 3340 студентов, 304 аспиранта, 540 стажеров-преподавателей⁴.

Узбекистан играет большую роль в подготовке преподавателей русского языка и литературы для республик Средней Азии и Казахстана.

⁴ «Коммунист Узбекистана», 1981, № 1, с. 24.

Только за годы девятой пятилетки было подготовлено около 20 тыс. таких специалистов с дипломами вузов Узбекистана⁵.

Одна из форм сотрудничества высших учебных заведений в учебно-методической, научно-исследовательской и политико-воспитательной работе — совместные научные сессии и конференции, межвузовские сошествия и семинары.

Сотрудничество с учеными братских союзных республик является важным условием успешного развития науки и подготовки высококвалифицированных научных кадров в республиках. Закономерность этого процесса обусловлена тем, что советская наука представляет собой единый взаимосвязанный комплекс, в котором государственным планом научных исследований предусмотрены интересы развития всей советской науки и учтены интересы каждой союзной республики. Сейчас трудно себе представить какое-либо крупное открытие или изобретение без участия ученых братских республик.

В дальнейшем развитии исследований в области теории вероятностей и математической статистики, а также других направлений математики, начало которым в Узбекистане было положено трудами В. И. Романовского, большую помощь оказал акад. А. Н. Колмогоров.

В организации исследований в области кибернетики, создании Института кибернетики с Вычислительным центром, определении направления его работы Академия наук УзССР всегда ощущала большую помощь Академии наук СССР, в частности акад. А. А. Дородницына. В определении направления работы ученых-геологов большой труд вложили академики В. А. Обручев, Д. И. Щербаков, А. П. Виноградов и многие другие. Идеи акад. А. П. Орехова послужили основой организации в Узбекистане исследований в области химии природных соединений⁶.

В республике нет ни одного научно-исследовательского учреждения, которое не было бы связано в своей повседневной работе с родственными научными учреждениями АН СССР и республиканских академий.

Исключительно плодотворной оказалась разработка учеными Средней Азии и Казахстана ряда научных проблем использования природных ресурсов региона (схема использования богатств Ферганской долины, освоение низовьев Амударьи, Голодной степи и т. д.). Важно отметить создание и успешную деятельность среднеазиатских и даже всесоюзных координирующих научно-исследовательских комплексных учреждений, таких, как Узбекский и Казахский институты энергетики и электрификации СССР, Институт металлургии и обогащения АН КазССР, Институт пустынь АН ТуркмССР и др.

Научные изыскания этих учреждений не ограничиваются рамками соответствующих республик, их поиски и выводы содействуют экономическому развитию всего региона.

Поскольку Средняя Азия выступает основной хлопковой базой страны, для всех хлопкосеющих республик определяющее значение имеют те научные исследования, которые ведутся по проблемам хлопководства. Не менее важная проблема, которой уделяют большое внимание ученые Средней Азии и Казахстана, — использование солнечной энергии. Общегосударственное значение имеют такие народнохозяйственные задачи, как дальнейший поиск сырьевых ресурсов, разработка крупных комплексных научно-промышленных программ «Хлопок»,

⁵ Там же.

⁶ Великая дружба народов. Ташкент, 1973, с. 156.

«Вода», «Трудовые ресурсы» и др. С каждым годом приобретают все большую значимость вопросы охраны окружающей среды⁷.

О расширяющихся связях АН УзССР с академиями наук других союзных республик свидетельствует также заключение договора о социалистическом содружестве институтов кибернетики с вычислительными центрами академий наук Узбекистана и Украины, о совместной разработке ряда тем другими институтами этих республик. Ежегодно сотни аспирантов и стажеров-исследователей проходят подготовку в ведущих научных учреждениях Москвы, Ленинграда, Новосибирска, Киева, Баку и других городов страны.

Высокую оценку научной общественности получили такие созданные коллективными усилиями ученых труды, как «История Самарканда», «История Бухары», «История Хорезма», «Интеллигенция Узбекистана», «Торжество идей пролетарского интернационализма», «Решение национального вопроса в Узбекистане» и др. Ныне, используя накопленный опыт коллективной работы, историки Средней Азии и Казахстана участвуют в подготовке многотомной истории КПСС, изданий общесоюзных серий документальных сборников по истории индустриализации и коллективизации в СССР.

На более высокую ступень поднят процесс взаимовлияния и взаимообогащения в области литературы. Структура литературного процесса усложнилась: влияние русской литературы стало глубже, ее художественные достижения органичнее, чем прежде, входят в инациональную литературу.

Обращение узбекской литературы к инациональному художественному опыту, овладение современными стилевыми особенностями не нивелируют ее национальную самобытность. В способности сохранить и укрепить народную культуру, не сглаживая ее национального своеобразия, и состоит ценнейшая черта взаимного духовного обмена сообщества социалистических наций на современном этапе.

В свою очередь, большое влияние стало оказывать на братские литературы, в том числе русскую, творчество национальных писателей, в том числе узбекских.

Советская литература при всем индивидуальном различии и национальной неповторимости ее творений выражает интернациональный характер, интернациональную сущность нашего общества, дружбу и братство советских писателей. «Мы хорошо знаем,— говорил Л. И. Брежнев,— что художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его тревожениях и свершениях»⁸.

На съезде было выдвинуто важное положение о том, что талантливые произведения литературы и искусства являются не только национальным достоянием, а принадлежат всему народу. Они вносят весомый вклад в сокровищницу мировой культуры.

Обращение к инациональной тематике способствует углублению связей с жизнью других народов, расширению творческих и духовных горизонтов художников слова, обогащению художественного опыта писателей и национальной культуры в целом.

Благодаря переводам на русский язык получила мировое признание узбекская классическая и современная поэзия. Количество переводимых и издаваемых произведений национальной литературы растет из года в год. Так, если за годы восьмой пятилетки центральными из-

⁷ «Правда Востока», 1981 г., 4 февраля.

⁸ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 80.

дательствами СССР было выпущено 26 произведений узбекской литературы, то за годы девятой — 62⁹.

Около 70% книг, издаваемых в СССР,— переводные. «Уже сегодня в Туркмении или Молдавии,— отмечал Л. И. Брежнев,— десятки и сотни тысяч людей читают, знают и любят, как своих родных писателей, Пушкина и Шевченко, Горького и Маяковского, Шолохова и Твардовского, Федина и Стельмаха, а неотъемлемым достоянием культурного багажа русского или украинца стали древний и вечно юный эпос Шота Руставели, замечательные произведения Вилиса Лациса, Абая Кунанбаева, Чингиза Айтматова, великолепные стихи Янки Купалы, Самеда Вургуна, Расула Гамзатова, Эдуардаса Межелайтиса, Мустая Карима и многих, многих других»¹⁰.

Русские поэты и переводчики сделали узбекскую поэзию достоянием советского читателя. Н. Тихонов, К. Симонов, Н. Грибачев и другие создали прекрасные русские варианты стихов Г. Гуляма, Х. Алимджана, Зульфий, Р. Бабаджана.

О большой заинтересованности всех народов СССР во взаимном духовном обогащении говорят такие данные: за один лишь 1978 г., например, свыше 6650 книг было переведено с 57 языков народов СССР¹¹.

Популяризации узбекской литературы во всех союзных республиках активно способствовали центральные издательства «Советский писатель», «Художественная литература», «Молодая гвардия», журналы «Дружба народов», «Знамя», «Октябрь».

Массовыми тиражами издаются на узбекском языке произведения писателей всех союзных республик. Среди мастеров художественного перевода — такие известные поэты и писатели, как Айбек, Х. Алимджан, А. Каххар, Г. Гулям, Шейхзаде, Миртемир, Уйгун, А. Мухтар, И. Султанов, М. Рахманов, Зульфийа, Кибрия, Зумрад, Х. Ахрарова и др.

На основе взаимообмена, взаимообогащения развивается музыкальная культура, осваиваются новые музыкальные формы, приемы и средства.

Творчество композиторов Узбекистана 60—80-х годов отражает взаимодействие различных стилевых потоков при определяющей роли народной музыки. Национальное вступает в многообразные связи с интернациональным и обнаруживает способность развиваться в новых условиях, обогащая советское многонациональное искусство. Узбекские композиторы, используя достижения русской и зарубежной музыки, создают произведения, созвучные времени, сохраняя свое национальное своеобразие. Развиваются и крупные симфонические и вокально-симфонические жанры, в которых находят отражение характерные особенности народного творчества.

В 70-х годах в узбекском симфонизме появляется знаменательная тенденция — стремление к новому прочтению национальных традиций. Таковы симфонии М. Махмудова — «Навои», Н. Закирова — «Истадим», И. Акбарова — о Самарканде, М. Таджиева — Третья и Четвертая. В Шестой симфонии М. Таджиева использованы революционные песни Хамзы. В ней также ощущаются влияние произведений Д. Д. Шостаковича, классические традиции русского симфонизма, глубоко переосмысленные на национальной почве¹².

⁹ «Правда Востока», 1977 г., 22 января.

¹⁰ Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973, с. 43.

¹¹ «Коммунист Узбекистана», 1980, № 8, с. 68.

¹² Калистратов В. Бурно растущее искусство.— «Советская музыка», 1978, № 6, с. 43.

В узбекской хореографии в 70-е годы получил развитие молодой национальный балет, построенный в национальном стиле в сочетании с классической русской балетной школой.

Значительные изменения произошли в узбекской опере. Узбекские композиторы все чаще выходят за пределы национальной тематики, воплощая события из жизни других народов, актуальные проблемы общесоветского, общечеловеческого значения (опера С. Юдакова «Победа» посвящена Великой Отечественной войне, Р. Хамраева «Перед зарей» — революции 1905 г. и т. д.).

Обогатился репертуар узбекского театра драмы. На его сценах с большим успехом ставятся многие произведения русской, украинской, таджикской, азербайджанской, киргизской, казахской, татарской драматургии. За 1971—1975 гг. из 620 спектаклей, показанных театрами Узбекистана, 102 было поставлено по произведениям авторов братских республик¹³. В свою очередь, лучшие произведения узбекской советской драматургии входят в репертуар театров других братских народов. Так, пьесы Хамзы «Бай и батрак», К. Яшена «Путеводная звезда», С. Азимова «Кровавый мираж» и другие долгие годы идут на русской, казахской, туркменской, таджикской и других театральных сценах. Опера С. Юдакова «Проделки Майсары» не сходит со сцены ряда театров страны.

В концертных программах узбекских музыкальных коллективов — многие десятки песен и танцев разных народов. Особенно выделяются репертуары заслуженного ансамбля народного танца УзССР «Бахор», вокального ансамбля «Ялла» и др.

Под воздействием русского советского кино — идейно-эстетических принципов С. Эйзенштейна, В. Пудовкина, А. Довженко, Д. Ветрова — развивается киноискусство республики. Выпускниками ВГИКа и Высших режиссерских курсов являются режиссеры Ш. Аббасов, Р. Батыров, Д. Салимов, Л. Файзнев, А. Акбарходжаев, А. Хамраев, Х. Ахметов, Э. Ишмухамедов, художники Э. Каландаров, Н. Рахимбаев и др. Они обучались у таких выдающихся деятелей русской культуры, как С. Герасимов, Г. Рошаль, Ю. Райзман, М. Ромм, А. Кулешов, С. Юткевич, А. Гальперин, Г. Косматов и др.

Исторически сложившаяся ведущая роль русского киноискусства содействовала упрочению интернационалистских принципов в национальном кино. Это создало широкие возможности для отражения на кинематографической основе своеобразия культуры местных народов Узбекистана, ее демократических традиций, специфики национальной психологии и морально-этических норм национального характера. Общность художественного опыта ускорила эстетическое развитие национального кинематографа, под ее воздействием формируются тематические и жанровые направления в киноискусстве Советского Узбекистана.

В постоянной взаимосвязи с искусством других народов развивается изобразительное искусство Узбекистана. Расширяется диапазон творческих течений и взаимосвязей. В процессе взаимообогащения и взаимовлияния художественных культур значительную роль играют обменные выставки. Так, в Ташкенте состоялись выставки «Изобразительное искусство Таджикистана», «Изобразительное искусство Эстонской ССР», «Выставка произведений Казахской ССР» и многие другие. С изобразительным искусством Узбекистана в свою очередь

¹³ «Коммунист Узбекистана», 1979, № 8, с. 35.

познакомились трудящиеся РСФСР, Эстонии, Литвы, Украины, Молдавии.

Экспозиции последних лет стали яркой демонстрацией интернациональной сущности советского искусства — каждая из национальных школ вносит свое поэтическое восприятие мира в искусство новой исторической общности людей, имя которой — советский народ.

Дни литературы и искусства, фестивали, декады способствуют повышению авторитета узбекской советской литературы и искусства, признанию ее в мировом масштабе. Они помогают узбекским читателям, зрителям, всем трудящимся республики лучше узнать жизнь, национальные особенности культуры народов нашей страны и других стран, содействуют укреплению дружбы народов, успешному решению актуальных задач культурного строительства, интернациональному, коммунистическому воспитанию советских людей.

М. БАБАХОДЖАЕВ

УЧАСТИЕ УзССР В КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ СССР СО СТРАНАМИ БЛИЖНЕГО И СРЕДНЕГО ВОСТОКА

(Вторая половина 70-х годов)

Вторая половина 70-х годов характеризуется дальнейшей активизацией культурных связей между СССР и сопредельными странами Ближнего и Среднего Востока — Афганистаном, Ираном и Турцией. Это было обусловлено мудрой ленинской внешней политикой КПСС, дальнейшим укреплением сил мира и социализма, поворотом в международной жизни от «холодной войны» и конфронтации к разрядке напряженности.

Разрядка усилила стремление большинства развивающихся стран к расширению экономического и научно-технического сотрудничества с СССР и другими государствами социалистического содружества как важному фактору укрепления политической и экономической самостоятельности молодых независимых государств.

Развитие и укрепление хозяйственных связей между СССР и странами Ближнего и Среднего Востока сопровождалось и активизацией взаимосвязей и сотрудничества в области культуры.

Выступая на берлинской конференции коммунистических и рабочих партий Европы, Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Мы в Советском Союзе считаем важным, чтобы наши люди больше знали о прошлом и настоящем других народов, глубже знали их культуру, умели уважать исторический опыт и достижения других стран.

Поэтому Советское государство всемерно поощряет культурный обмен — закрепляет его межправительственными соглашениями, из года в год расширяет его объем»¹.

Культурное сотрудничество СССР со странами Ближнего и Среднего Востока развивается на основе полного равенства, обоюдной выгоды и взаимоуважения.

Стремясь освободиться не только от экономической зависимости, но и от духовного влияния империализма, развивающиеся страны проявляют все больший интерес к достижениям передовой социалистической культуры. Их внимание особенно привлекают успехи Узбекской ССР и других советских среднеазиатских республик, которые в прошлом были отсталыми окраинами Российской империи, а за годы Советской власти осуществили невиданные по своим масштабам и глубине социально-экономические и культурные преобразования. «Разительный контраст с прошлым, который являет собой сегодняшняя действительность Узбекистана, как и соседних братских республик, побуждает многих зарубежных деятелей, приезжающих к нам, называть чудом то, что свершилось в Средней Азии за годы Советской власти.

¹ «Правда», 1976 г., 30 июня.

«Разумеется, чудес на свете не бывает, но нам понятен эмоциональный характер такого определения, оно ярко отражает масштаб наших общих свершений»², — отметил Л. И. Брежнев при вручении Узбекской ССР ордена Дружбы народов (сентябрь 1973 г.).

«Об активном культурном сотрудничестве СССР со странами Ближнего и Среднего Востока наглядно свидетельствует и растущее участие Узбекской ССР в широком и многообразном обмене культурными ценностями Советского Союза с нашими южными соседями — Афганистаном, Ираном и Турцией.

Широкие контакты налажены, например, в области кинематографии. Афганские, иранские и турецкие деятели кино принимали участие в работе IV (1976 г.) и V (1978 г.) Международных кинофестивалей стран Азии, Африки и Латинской Америки, проходивших в Ташкенте под девизом «За мир, социальный прогресс и свободу народов». На этих кинофестивалях демонстрировались художественные и документальные киноленты национальных студий стран Ближнего и Среднего Востока: Афганистана — «Трудные дни»; Ирана — «Чужой и туман», «Долгая ночь»; Турции — «Наша семья», «Красная косынка», «Азиз Несин».

Особый интерес зрителей привлек фильм турецкого режиссера Атифа Йылмаза «Красная косынка», экранизация которого осуществлена по известной повести Ч. Айтматова «Тополек мой в красной косынке».

Ряд фильмов кинематографистов Афганистана, Ирана и Турции был удостоен призов и дипломов всесоюзных журналов, учреждений, творческих и общественных организаций Узбекистана. Так, картина «Красная косынка», в которой одну из главных ролей сыграла звезда турецкого кино Тюркан Шорай, была отмечена призом и дипломом Театрального общества Узбекистана, а режиссер турецкого фильма «Наша семья» получил диплом и приз Совета профессиональных союзов Узбекистана. Призы и дипломы журнала «Искусство кино» и Узбекского комитета солидарности стран Азии и Африки были вручены создателям иранского фильма «Чужой и туман» и афганского «Трудные дни»³.

В феврале 1979 г. кинозрители Ташкента смогли еще раз посмотреть турецкие художественные ленты «Красная косынка», а также «Река» и «Невестка» (режиссер Лютфи Акад), «Злые духи Евфрата» (режиссер Юртсевер), «Король привратников» (режиссер Зеки Ектен), «Шахта» (режиссер Явуз Езкан)⁴.

В последние годы получили развитие и другие формы связей Узбекской ССР со странами Ближнего и Среднего Востока в области кинематографии. Был подписан договор между советскими и афганскими кинематографистами о совместной постановке документального полнометражного цветного фильма о новом Афганистане. «Это первый и важный шаг, который открывает новый этап между творческими коллективами наших стран, — заявил директор «Афганфильма» Мустафа Расули. — Создание фильма позволяет двум добрым соседям еще лучше узнать о жизни и труде друг друга»⁵. Руководство съемками фильма осуществляли узбекский режиссер Малик Каюмов и его афганские коллеги А. Х. Алил и В. Латифи.

² Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 4. М., 1974. с. 286.

³ Международный форум кинематографистов в Ташкенте. Ташкент, 1978, с. 115--117.

⁴ «Советская культура», 1979 г., 6 февраля; «Вечерний Ташкент», 1979 г., 15 февраля.

⁵ «Вечерний Ташкент», 1979 г., 6 января.

Узбекистанские и афганские мастера кино отсняли короткометражный документальный фильм «Один год и один день», посвященный первой годовщине Апрельской революции в Афганистане⁶.

Значительный интерес вызвали ленты студии научно-популярных и документальных фильмов Узбекистана, которые были показаны в Афганистане во время проведения там Дней культуры СССР (февраль-март 1979 г.).

Посланец Советского Узбекистана — председатель Комитета республики по кинематографии А. А. Абдуллаев принимал участие в кинонеделе советских фильмов в Иране в 1977 г., а художественная картина «Беруни» производства студии «Узбекфильм» демонстрировалась в кинотеатрах иранских городов.

Представители киноискусства стран Ближнего и Среднего Востока — участники Ташкентского фестиваля в интервью на пресс-конференциях и в творческих дискуссиях подчеркивали значение опыта советского кино и Ташкентского фестиваля для развития мирового прогрессивного кинематографа. «На меня произвел огромное впечатление советский документальный фильм «Сердце Корвалана», — отметил на Четвертом фестивале кинорежиссер из Турции Мустафа Гюрсель. — Это фильм-призыв, фильм-протест против черных сил реакции. И нам, турецким кинематографистам, очень хотелось бы, чтобы эту ленту увидели у нас в стране, ибо такое блестящее публицистическое произведение заслуживает самого пристального внимания»⁷. По мнению турецкого кинодеятели, «Ташкентский кинофорум имеет большое значение прежде всего потому, что является самым представительным местом встреч кинодеятелей развивающихся стран. Кинематография этих стран на таких встречах получает новый стимул для своего развития»⁸. Вот что сказал участник V Ташкентского фестиваля, режиссер Хаким Халик из Демократической Республики Афганистан: «Ленинская мысль о том, что из всех искусств важнейшим является кино, определяет место, которое кинематограф должен занять в жизни нашего народа. Цель афганской кинематографии для нас очевидна: это показ революционных преобразований, начавшихся в нашей стране. И в этом смысле Ташкентский фестиваль является прекрасной школой социально-политической зрелости для молодого афганского кино»⁹.

Между нашими странами осуществляется широкий обмен артистическими коллективами и исполнителями. Так, весной 1976 г. в Ташкенте прошли выступления эстрадной группы турецких артистов с участием певицы Инджи Чайрлы, а зимой того же года — гастроль фольклорного национального ансамбля Турции¹⁰.

В конце 1977 г. заслуженный артист Узбекской ССР Мирза Таиров и семь его коллег из ансамбля «Гузаль» дали концерты в Афганистане¹¹, а в феврале-марте 1979 г. группа артистов Государственного ансамбля народного танца Узбекской ССР «Бахор» показала свое мастерство в этой стране, когда там проводились дни культуры СССР¹².

В 1979 г. для участия в праздновании первой годовщины Апрельской революции в Афганистане туда выезжала делегация творческой молодежи республики, в составе которой были артисты ансамблей

⁶ «Правда Востока», 1979 г., 23 мая.

⁷ Международный форум кинематографистов в Ташкенте..., с. 53.

⁸ Там же, с. 77.

⁹ Текущий архив Комитета по кинематографии Узбекской ССР, 1978 г.

¹⁰ Текущий архив Министерства культуры Узбекской ССР, 1976 г.

¹¹ Там же, 1977 г.

¹² «Правда Востока», 1979 г., 8 марта.

«Шодлик» и «Гузал», а также учащиеся Андижанской музыкальной школы. Посланцы Узбекистана в течение 10 дней демонстрировали свое искусство в концертных залах, школах и на открытых площадках, а также встречались с афганской молодежью¹³.

Весной 1979 г. зрители Ташкента и гости узбекской столицы познакомились с новой работой коллектива Государственного Академического Большого театра им. А. Навои — балетом «Легенда о любви», созданным А. Меликовым на либретто известного турецкого писателя Назыма Хикмета.

Получили развитие и такие формы культурных взаимосвязей, как издание переводной художественной литературы и книгообмен. Только в 1977 г. Издательством художественной литературы и искусства им. Гафура Гуляма были опубликованы на узбекском языке произведения писателей Ирана — «Пять голосов» Туаме Фарма Гаиба, «Чемодан» Бозорга Алави; Турции — «Зеленая ночь» Рашида Нури Гунтекина, а также сборник «Сказок народов Востока», включающий афганские, иранские и турецкие сказки¹⁴.

Кроме того, за последние три года в республиканских журналах и газетах был опубликован ряд прозаических и стихотворных произведений представителей литературы стран Ближнего и Среднего Востока в переводе на русский и узбекский языки. В это же время из Ирана поступили заказы на книги «Узбекские народные сказки» и К. Тухтабаева «Смерть желтого дива»¹⁵, а фонды библиотек Узбекистана пополнились художественной и научной литературой, поступившей из Афганистана, Ирана и Турции. Так, в последние годы в адрес Узбекской государственной библиотеки им. Алишера Навои из Ирана поступило 200 книг¹⁶, в числе которых — «Диван» замечательного лирика Шамсуддина Мухаммада Хафиза, «Зафар-наме» Низамуддина Шамн и др. В библиотеку поступила также литература из Турции и Афганистана.

Большую работу по популяризации лучших произведений советских писателей в Иране и Афганистане ведет Ташкентское отделение Издательства «Прогресс». Только в 1978—1979 гг. этим отделением изданы на персидском языке сборник «Узбекские народные сказки», произведения узбекских писателей Рахмата Файзи «Его величество человек», Гафура Гуляма «Озорник», Хамида Алимджана «Лирика», Шарафа Рашидова «Победители»¹⁷.

Переводом лучших произведений классической и современной прогрессивной афганской и иранской литературы занимаются видные узбекские ученые: проф. Ш. Ш. Шамухамедов, доц. А. Г. Ганиев и др. За ряд научных трудов о развитии гуманизма в творчестве классиков персидско-таджикской поэзии, за монографии об Омаре Хайяме, Хафизе, Саади, переводы на узбекский язык стихов иранских поэтов Ш. Ш. Шамухамедов был удостоен премии им. Абулкасыма Фирдоуси, учрежденной советским и иранским правительствами.

Укреплению связей между литераторами Узбекистана и стран Ближнего и Среднего Востока служат встречи и форумы писателей. В 1976 г. в Ташкенте состоялась первая встреча молодых писателей стран Азии и Африки, в 1978 г. — вторая. С участием представителей

¹³ «Вечерний Ташкент», 1979 г., 27 апреля.

¹⁴ Текущий архив Союза писателей Узбекистана, 1977 г.

¹⁵ Текущий архив Узбекского объединения книжной торговли, 1976—1978 гг.

¹⁶ «Вечерний Ташкент», 1979 г., 4 мая.

¹⁷ Текущий архив Ташкентского отделения Издательства «Прогресс», 1978—

стран Среднего Востока осенью 1978 г. в столице Узбекистана проходил форум писателей стран Азии и Африки, посвященный двадцатилетию первой Ташкентской конференции литераторов двух континентов. Участник этого форума, видный афганский писатель Мухаммад Сиддык Рухи сказал: «Мне представляется особенно важным, что эта встреча проходит в вашей стране, в столице Узбекистана. Мы — соседи. Наша граница — граница мира и дружбы. Народы СССР и Афганистана — единомышленники. Апрельская революция на моей родине уничтожила вековой деспотизм. Афганцы выбрали некапиталистический путь развития. Наша цель — строительство социалистического общества. Большие ответственные задачи стоят сейчас перед писателями Афганистана. Главная наша задача — борьба против реакции и остатков феодализма внутри страны, борьба против неоколониализма, апартеида, спонизма на международной арене.

Нас вдохновляет ваш пример. Мы увезем с собой незабываемые впечатления о прекрасном городе Ташкенте, необыкновенном радушии узбекского народа»¹⁸.

Литературоведы Узбекистана плодотворно занимаются исследованием классической и современной прогрессивной литературы Ирана и Афганистана. Различные аспекты творчества Баязида Ансари, Хушхала Хатака, а также писателей и поэтов Афганистана второй половины XVIII в. нашли освещение в работах А. Г. Ганиева, О. У. Усманова, А. М. Маннанова, Э. С. Якубовой, Е. А. Поляковой.

Ленин и Октябрь в современной иранской литературе, творчество поэтесс Парвин Этесами, Форуз Фаррохзад, Жале Фарахани, Симин Бехбехани, Жале Исфагани и писателя-реалиста Гуляма Хусейна Сазди — такова тематика исследований иранистов Узбекистана — Т. Н. Нигматова, М. Я. Якуачевой, Л. А. Солуяновой, С. Т. Юлдашевой, Дж. Хазраткулова.

Активную роль в укреплении дружеских контактов общественности Узбекистана с народами стран Ближнего и Среднего Востока играет Узбекское общество дружбы и культурных связей. Ширится деятельность Узбекского отделения Общества советско-афганской дружбы и культурной связи, созданного в 1963 г. и возглавляемого ныне редактором республиканской газеты «Хакикати Узбекистон» Ш. Н. Ниязовым. Оно помогает расширять познания советских людей о жизни и культуре Афганистана, а афганской общественности — об огромных достижениях Узбекистана за годы Советской власти.

Победа Апрельской революции в Афганистане и свержение прогнившего шахского режима в Иране открыли благоприятные перспективы для дальнейшего развития и углубления советско-афганских и советско-иранских отношений на базе подлинного добрососедства. Подтверждением тому являются заключение советско-афганского Договора о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве в декабре 1978 г., а также высказывания представителей правительства Ирана об ирано-советских отношениях. Например, бывший заместитель премьер-министра Ирана А. Амир Этезам, касаясь советско-иранских отношений, заявил: «Вне всякого сомнения, отношения между Ираном и Советским Союзом будут расширяться и развиваться. Наши народы и государства питают друг к другу добрососедские чувства взаимного уважения, и теперь, когда в Иране установлен новый, революционный строй, двусторонние отношения должны стать намного лучше, чем при шахском режи-

¹⁸ «Правда Востока», 1978 г., 13 октября.

ме. Наше правительство стремится к развитию связей в экономической, торговой, культурной и других областях»¹⁹.

Перед странами Ближнего и Среднего Востока стоит ряд важных проблем в области культурного строительства. Решению их может способствовать творческий учет богатейшего опыта успешной ликвидации экономической и культурной отсталости Узбекской ССР.

Уже это свидетельствует о значимости вклада Узбекистана, как и других союзных республик, в культурное сотрудничество СССР со странами Ближнего и Среднего Востока. «Широкая общественность нашей республики и ее организации ведут большую и разностороннюю работу по развитию и укреплению, дальнейшему совершенствованию культурных связей с зарубежными прогрессивными обществами и эта работа дает свои положительные результаты. Поэтому мы вправе заявить, что награждение меня памятной золотой медалью Организации солидарности народов Азии и Африки — это также признание заслуг плодотворной деятельности всех организаций и обществ, ведущих внешнеполитическую пропаганду»²⁰, — сказал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов при вручении ему высокой награды Организации солидарности народов Азии и Африки.

Своим растущим участием в культурном сотрудничестве СССР с развивающимися странами Узбекская ССР активно способствует популяризации исторического опыта реального социализма, взаимному духовному обогащению народов, их сближению, углублению дружбы и взаимопонимания между ними.

Это сотрудничество получает ныне еще более широкий размах в свете решений XXVI съезда КПСС, с высокой трибуны которого Л. И. Брежнев особо отметил расширение взаимосвязей СССР с развивающимися странами, в том числе с Афганистаном, Ираном и др. «КПСС, — заявил Л. И. Брежнев, — и впредь будет последовательно проводить курс на развитие сотрудничества СССР с освободившимися странами, на упрочение союза мирового социализма и национально-освободительного движения»²¹.

М. Бобохўжаев

СССРнинг ЯҚИН ВА УРТА ШАРҚ МАМЛАКАТЛАРИ БИЛАН
МАДАНИЙ ҲАМКОРЛИГИДА УзССРнинг ИШТИРОКИ

(70-йилларнинг иккинчи ярми)

Мақолада конкрет материаллар асосида 70-йилларнинг иккинчи ярмида СССРни Афғонистон, Эрон, Туркия билан кўп қиррали маданий ҳамкорлик қилишида Ўзбекистоннинг актив фаолияти кўрсатилган.

¹⁹ «Правда», 1979 г., 6 апреля.

²⁰ «Правда Востока» 1977 г., 10 декабря.

²¹ «Правда», 1981 г., 24 февраля.

С. А. Салимов, Р. А. Габдукаев

К СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ СТРУКТУРЫ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРВИЧНЫМИ ПОДРАЗДЕЛЕНИЯМИ ПРЕДПРИЯТИЯ

В «Типовом положении о производственной бригаде и бригадире», утвержденном Государственным комитетом Совета Министров СССР по труду и социальным вопросам, подчеркивается: «В зависимости от условий производства и организации труда крупные бригады могут делиться на звенья (группы). В государственных сельскохозяйственных предприятиях самостоятельные механизированные звенья могут выполнять функции бригад».

Группы исполнителей — первый структурный уровень управления — формируются в цехах и в аппарате управления предприятий, в научно-исследовательских и проектных организациях. В недалеком будущем формальные группы должны стать атрибутом любой социальной организации. Поэтому уже сейчас необходимо найти объективные параметры группы, а именно: оптимальные пределы численности ее персонала, квалификационный состав, ранг руководителя.

Содержание и результаты труда рабочего и служащего несопоставимы. Поэтому ожидаемую продуктивность их труда целесообразно оценивать аналогично оценке продуктивности труда специалиста научной организации, впервые предложенной Г. М. Идлисом¹, т. е. продуктивность специалиста i -го ранга пропорциональна его потенциальным возможностям (V_i) и коэффициенту квалификации (K_i). Характерные оптимальные величины V_i и K_i , которым должны быть равны индивидуальные величины потенциальных возможностей и коэффициенты квалификации реальных специалистов, претендующих на тот или иной служебный ранг (на ту или иную служебную должность), вычисляются по формуле:

$$V_i = K_i = 12 : (12 - i) \quad \text{при } i = 0, 1, 2 \dots 12. \quad (1)$$

При этом потенциальные возможности работников уместно называть малоудовлетворительными при $V < 2$ и вполне удовлетворительными при $V > 2$. В табл. 1 приведена объективно необходимая градация по рангам работников оптимально развитого по численности персонала предприятия². Рассчитанные по формуле Г. М. Идлиса³ величины V_i и K_i согласуются с эмпирически изыскиваемыми тарифными коэффициентами в отраслях промышленности для определения соотношений в оплате труда рабочих по их квалификации.

¹ Идлис Г. М. Математическая теория НОТ и оптимальной структуры НИИ. Алма-Ата, 1970.

² Габдукаев Р. Некоторые параметры и показатель эффективности оргструктуры предприятия.— В сб.: Роль АСУ в повышении эффективности производства. Ташкент, 1979, с. 130—142.

³ Идлис Г. М. Указ. соч.

Понятие потенциальных возможностей имеет вероятностный характер и определяет лишь средний (математически ожидаемый) уровень результатов деятельности отдельных работников или целых коллективов. Поэтому, хотя по величинам своим результаты и превышают единицу, они должны обладать такими же комбинаторными свойствами, которые определяют аксиомы, непосредственно аналогичные постулатам, лежащим в основе теории вероятностей. Если с помощью двух основных теорем о сложении и умножении вероятностей можно найти

Таблица 1

Объективно необходимая градация по рангам специалистов предприятия

Ранг i	Служащие всех специальностей	$V_i=K_i$	Ранг i	Линейный персонал	$V_i=K_i$		
исполнители	0	Младший обслуживающий персонал	1,0	исполнители	0	Младший обслуживающий персонал	1,0
	1	Чертежник-копирист и т. п.	1,09		1	Рабочий 1-го разряда	1,09
	2	Техник	1,2		2	Рабочий 2-го разряда	1,2
	3	Старший техник	1,33		3	Рабочий 3-го разряда	1,33
	4	Инженер	1,5		4	Рабочий 4-го разряда	1,5
	5	Инженер 3-й категории	1,705		5	Рабочий 5-го разряда	1,705
управленческий персонал	6	Инженер 2-й категории	2,0	6	Рабочий 6-го разряда	2,0	
	7	Инженер 1-й категории, ведущий инженер-групповод	2,4	7	Рабочий 7-го разряда — бригадир, звеньевой	2,4	
	8	Заведующий лабораторией, сектора, бригады	3,0	8	Мастер отделения	3,0	
	9	Заведующий бюро заместителя начальника отдела	4,0	9	Старший мастер участка — заместитель начальника цеха	4,0	
	10	Начальник отдела	6,0	10	Начальник цеха	6,0	
	11	Главный специалист	12,0	11	Начальник производства	12,0	
	12	Директор	18,0	12	Директор	18,0	

V_i — потенциальные (информационные) возможности, K_i — коэффициент градации.

вероятность любого сложного или составного события (явления) по известным вероятностям соответствующих событий, то и в искомой общей теории оптимальной структуры группы должны существовать две аналогичные аксиомы, позволяющие, соответственно, суммируя и умножая потенциальные возможности V_i отдельных работников в зависимости от характера взаимного комбинирования усилий их, вычислять общие потенциальные возможности W всей группы.

Так, общие потенциальные возможности (или совместные усилия) двух работников при четком разделении их труда равны сумме потенциальных возможностей V и V^* этих работников:

$$W = V + V^* \quad (2)$$

При выполнении же взаимосвязанных работ, требующих непосредственного взаимосогласования и взаимоувязки, потенциальные возможности B и B^* взаимно перемножаются:

$$W = B \cdot B^*, \quad (3)$$

причем в обоих случаях общие потенциальные возможности (2) и (3) оказываются одинаковыми лишь при взаимной сопряженности величин B и B^* , т. е.

$$W = B + B^* = B \cdot B^*, \quad (4)$$

при

$$B = B^* = 2. \quad (5)$$

Общие потенциальные возможности W любых двух работников с малоудовлетворительными потенциальными возможностями окажутся при сложении усилий этих работников большими, т. е. вполне удовлетворительными ($W > 2$), чем при умножении:

$$W = B + B^* > B \cdot B^* \quad \text{при } B < 2 \text{ и } B^* < 2. \quad (6)$$

Следовательно, каждой паре работников выгоднее поручать самостоятельную работу, исключая потери времени на взаимосогласование или взаимодублирование.

В случае непосредственного подчинения одного работника другому решение уравнения (4) относительно B^* и B получим⁴:

$$2 < B^* = 1 + 1 : (B - 1) < \infty \quad \text{при } B < 2 \quad (7)$$

и

$$1 < B = 1 + 1 : (B^* - 1) < 2 \quad \text{при } B^* > 2. \quad (8)$$

Из равенства (7) и (8) вытекает объективное условие целесообразности взаимодействия руководителя и подчиненного, а именно, когда недостаточно высокие значения потенциальных возможностей руководимого ($B < 2$) или руководящего ($B^* > 2$) восполняются значениями соответствующих величин другого.

Характерная же промежуточная самосопряженная величина $B = 2$ представляет собой одновременно наивысший предел допустимого уровня менее квалифицированных работников и наименьший предел допустимого уровня более квалифицированных работников. Но квалифицированное руководство становится осуществимым, очевидно, лишь тогда, когда потенциальные возможности B^* руководителя достигают, по крайней мере, минимальной общей суммарной величины потенциальных возможностей W непосредственно руководимой группы, состоящей из n исполнителей с взаиморавными потенциальными возможностями B :

$$W = B^* = \sum_{B=1}^n B = n \cdot B. \quad (9)$$

Комплектовать группу исполнителей рангов $i=0$ ($B_0=1,0$) и $i=1$ ($B_1=1,09$), с подчинением их руководителю ранга $i=7$ ($B_7=2,4$) вряд ли целесообразно. Более практичным является подчинение ему исполнителей рангов $i > 2$ ($B \geq 1,2$). Тогда целесообразное минимально допустимое значение общей величины потенциальных возможностей группы, состоящей из двух исполнителей, согласно условию (9), равно

$$W = 2B_2 = B_2 + B_2 = 2,4. \quad (10)$$

Решая систему уравнений (4) и (9), получаем

$$W = n + 1 \text{ и } B = (n + 1) : n. \quad (11)$$

⁴ Идлис Г. М. Указ. соч.

При $n=2$ общее решение (11) системы уравнений (4) и (9) дает

$$W=2+1=3,0 \text{ и } B=(2+1):2=1,5=B_4. \quad (12)$$

Следовательно, общие потенциальные возможности W группы, состоящей из двух исполнителей A и B , должны варьировать в пределах

$$2,4 \leq B_A + B_B \leq 3,0 \text{ или } 2B_2 \leq B_A + B_B \leq 2 \cdot B_4. \quad (13)$$

Наконец, при $n=3$ общее решение (11) системы уравнений (4) и (9) дает

$$W=3+1=4,0 \text{ и } B=(3+1):3=1,33=B_3. \quad (14)$$

Таким образом, общие потенциальные возможности группы, состоящей из трех исполнителей A , B , C , должны варьировать в пределах

$$3,6 \leq B_A + B_B + B_C \leq 4,0,$$

или

$$3 \cdot B_2 \leq B_A + B_B + B_C \leq 3 \cdot B_3. \quad (15)$$

Из условий (13) и (15) видим, что исполнитель ранга $i=5$ ($B_5=1,705$) может быть в составе двухчленной группы, так как не нарушается условие ее формирования (13):

$$B_2 + B_5 = 1,2 + 1,705 < 3,0,$$

но не может быть в составе трехчленной группы, ибо это условие нарушается (15):

$$B_2 + B_2 + B_5 = 1,2 + 1,2 + 1,705 > 4,0.$$

Логично предположить, что рост численности работников той или иной организации, как правило, влечет преобразование двухчленных групп в трехчленные. В таких условиях сохранение в составе трехчленных групп исполнителей ранга $i=5$ имеет аномальный (искусственный) характер и, как правило, такие исполнители в группах вообще должны отсутствовать, а общая численность их в организации не должна превосходить целесообразного минимума.

Работник с характерным самоспряженным значением потенциальных возможностей $B_6=2,0$ не может квалифицированно руководить даже самой минимальной группой из $n=2$ исполнителей с индивидуальными потенциальными возможностями $B \geq 1,0$ в силу нарушения объективно необходимых условий (8) и (9). Невыгодно также включать его в группу в качестве исполнителя, так как нарушаются условия ее формирования (13) и (15). Следовательно, работник ранга $i=6$, претендующий на руководство хотя бы некоторой минимальной группой менее квалифицированных исполнителей или, по крайней мере, одним из них, по существу, не отвечает своему назначению. Иначе говоря, эта категория работников, как правило, не имеет права не только на руководство группой, но и должна отсутствовать в ее составе, а общая численность их в организации не должна превышать целесообразного минимума.

По нашему мнению, специалист ранга $i=6$ или $i=5$, не являясь членом группы, должен быть в непосредственном подчинении у руководителя ранга $i=8$ и выполнять обязанности его помощника. Он должен быть связующим звеном своего подразделения с другими, освобождать сотрудников своего подразделения и руководителя от производительных потерь времени на оформление документов сводного

характера, посещение соседних подразделений для изучения и доставки информации и т. п. Специалист ранга $i=6$, только познав цикл производства всей организации, может рассчитывать на перевод в ранг $i=7$ с правом руководства группой исполнителей.

В отличие от него любой работник ранга $i=7$ ($B_7=2,4$) согласно соотношениям (7), (8), (9) может вполне квалифицированно руководить двумя или тремя исполнителями, объединенными в группу с соблюдением условий (13) и (15).

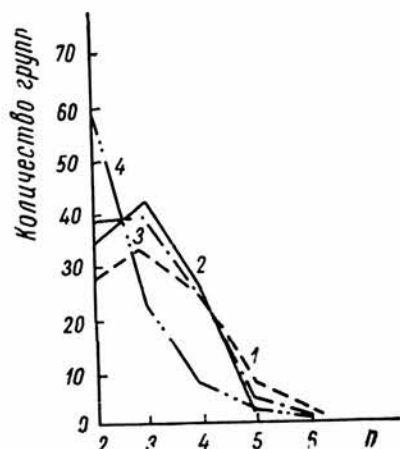
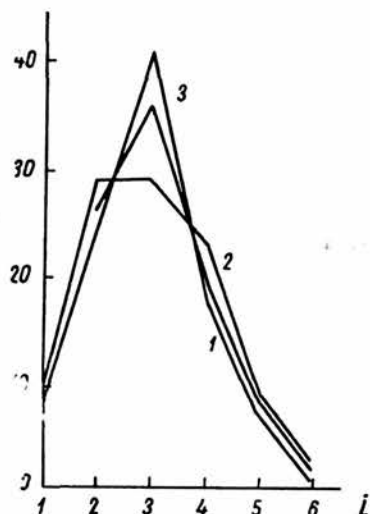

Рис. 1. Распределение численности рабочих по тарифным разрядам.

1—Ташкентский тракторный завод; 2—Ташсельмаш; 3—Таштекстильмаш.

Рис. 2. Численность рабочих в группах.

1—при бригадной формальной структуре; 2—при безбригадной формальной структуре; 3—в целом по заводу; 4—по данным зарубежных ученых.

В развитой по численности персонала организации из объективно необходимого условия формирования группы (15) следует, что квалификация выполняемых работ и исполнителей должна варьировать около величины, характерной для квалификации исполнителя ранга $i=3$ (старшего техника, рабочего 3-го разряда и т. п.):

$$K_3 = B_3 = 1,33 \quad (i=3). \quad (16)$$

Справедливость объективно необходимых условий (13), (15) и (16) в большей мере подтверждается действительностью: многие десятилетия в промышленности средний разряд рабочих и выполняемых ими работ варьирует от 2,8 до 3,5⁵. На рис. 1 приводится распределение численности рабочих по тарифным разрядам двух предприятий ВПО «Союзмашхлопководство» и завода «Таштекстильмаш». На рис. 2 и 3 показано статистическое распределение численности исполнителей в группах на предприятии «Ивмашдеталь»⁶ и группах 514 лабораторий научно-исследовательских институтов⁷. Эти данные свидетельствуют о соответствии приводимой выше теории действительности.

В настоящее время как у нас, так и за рубежом в сфере массово-

⁵ Москвин В., Ананьев А. Профессионально-квалификационная структура рабочих.— «Вопросы экономики», 1970, № 6.

⁶ Гительмахер Р. Б. Воспитание мастера рабочими. Обзорная информация НИИТЭИ ММАП и БГ. М., 1979.

⁷ Ракитов А. Научные центры будущего.— «Наука и жизнь», 1971, № 3.

го и серийного производства происходит постепенный переход от конвейерного производства к смешанным структурам: комбинации конвейерного и автоматизированного труда, работе на конвейере и на отдельных местах, но с обязательным созданием рабочих групп. Такие структуры позволяют существенно повысить производительность труда. Например, генеральный директор обувного объединения «Обувь» (Ростов-на-Дону) Г. В. Холпахчиев пишет: «Мы отказались от конвейера и перешли к микробригадам... Сравнить результаты труда на конвейере и без него помогут такие цифры: на конвейере 41 человек изготавливал за смену 350 заготовок, микробригадным способом 28 человек дают 375 заготовок... Работа по методу микробригад дала нам только за один год прибавку объема выпуска в 1 млн. руб. ...Текучесть кадров в объединении снизилась с 30 до 12%. Качество стало делом каждого»⁸. Главный инженер завода «Красный пролетарий» сообщает: «На своем участке мы уже применяем схему: один наладчик и два оператора на восемь станков ЧПУ. На наиболее сложных деталях реально получаем производительность труда в 2—2,5 раза большую, чем у самых квалифицированных рабочих, работающих автономно... Накопленный опыт можно будет практически без изменений применять на всех родственных предприятиях»⁹. Результаты социально-психологического исследования, проведенного в ПО «Ивмашдеталь» Министерства машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов¹⁰, показали наличие в коллективах, руководимых мастерами и бригадирами, неформальных групп (микрогрупп). При бригадной формальной структуре в неформальные группы объединены 46% рабочих, а при бригадной структуре — 44%.

Таким образом, в социальных организациях первой ступенью управления является группа. Ее признаки: минимальность состава (2—3 исполнителя), неделимость на более мелкие «микрогруппы», управление одним руководителем; в промышленности целесообразно восстановить не 8-разрядную тарифную сетку, как это предлагает Ю. Ананьева¹¹, а 7-разрядную; в любой организации в зависимости от ситуации соотношение общей численности руководителей групп (ранг $i=7$) и исполнителей рангов $i=3$ или $i=4$ должно, как правило, быть равным, соответственно, 1:3 или 1:2, а количество специалистов рангов $i=5$ и $i=6$ доводится до целесообразного минимума; специалист ранга $i=7$ должен быть не только непосредственным исполнителем работ, но и осуществлять функции руководителя группы исполнителей, контролировать качество ее работ.

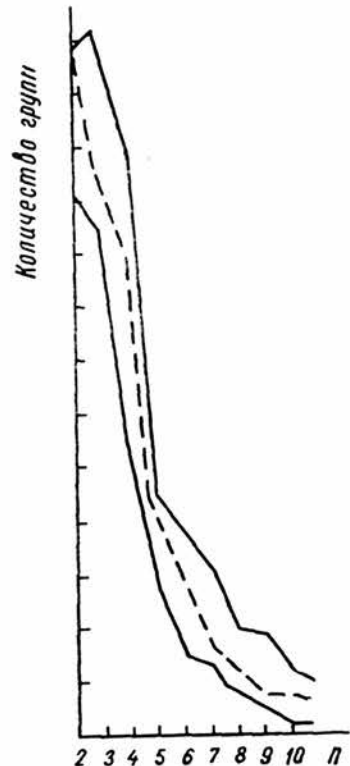

Рис. 3. Численность исследователей в группах.

⁸ Холпахчиев Г. В. Выигрывает потребитель, выигрывает производство.— «ЭКОПП», 1979, № 1.

⁹ «Социалистическая индустрия», 1974 г., 22 июня.

¹⁰ Гительмахер Р. Б. Указ. соч.

¹¹ Ананьева Ю. Об отражении сложности труда рабочих в тарифной системе.— «Социалистический труд», 1979, № 10.

М. А. АХМЕДОВА

СОЦИАЛЬНЫЙ ОПЫТ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ИСТОРИЧЕСКОМ ПОЗНАНИИ

Опыт Великой Октябрьской социалистической революции, строительства социализма в СССР и других социалистических странах привлекает пристальное внимание всех прогрессивных сил, стремящихся к революционному преобразованию мира. Вопрос о значении взаимного использования накопленного братскими странами опыта в рамках всего социалистического содружества с особой силой прозвучал на XXVI съезде КПСС. В Отчетном докладе говорится: «За годы социалистического строительства братские страны накопили многообразный опыт организации производства, управления, решения народнохозяйственных проблем. Мы знаем, например, как умело налажена работа сельскохозяйственных кооперативов и предприятий в Венгрии, какой ценный опыт рационализации производства, экономии энергии, сырья и материалов имеется в ГДР. Немало интересного и ценного в системе социального обеспечения в Чехословакии. В Болгарии и ряде других европейских стран социализма найдены полезные формы агропромышленной кооперации. Давайте, товарищи, внимательнее изучать и шире использовать опыт братских стран»¹.

Актуальность вопроса об общезначимом содержании опыта реального социализма, о возможности его использования для ускоренного и оптимального решения однотипных задач определяется и тем, что он находится в центре идеологической борьбы между марксизмом и буржуазной идеологией, «правым» и «левым» оппортунизмом. Более того, он остро дискутируется в международном коммунистическом движении.

Научная разработка таких методологических вопросов, как: что такое социальный (исторический) опыт; какова роль социального опыта как предмета познания и средства познания; каково соотношение общего и особенного, повторяющегося и неповторимого, закономерного в социальном опыте; возможно ли восприятие опыта одного поколения другим, опыта одного народа другим и при каких условиях; каково соотношение социального опыта и общественной теории и другие, — имеет актуальное значение.

Исходной при определении понятия «социальный опыт» служит категория «опыт». Здесь дело обстоит так же, как и в понятиях «бытие» и «общественное бытие», «сознание» и «общественное сознание» и т. д., т. е. речь идет о соотношении общефилософской категории и категории исторического материализма.

¹ Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. М., 1981, с. 118.

В основе современных научных, диалектико-материалистических представлений об опыте лежат ленинские взгляды, развитые в «Материализме и эмпириокритицизме», а также в работах, посвященных анализу и обобщению конкретно-исторического опыта. Разоблачая несостоятельность попыток сторонников эмпириокритицизма и махизма, спекулировавших на неопределенности понятия опыт, В. И. Ленин четко определил, во-первых, вторичность опыта по отношению к объективной реальности; во-вторых, объективность содержания содержания опыта; в-третьих, раскрыл диалектику опыта как средства познания исследования. Опыт, по Ленину,— непосредственное взаимодействие между субъектом и объектом, в результате которого у субъекта складывается знание о независимом от него объекте².

Признавая в этом взаимодействии определяющую роль воздействия объективного мира на познающий субъект, диалектический материализм одновременно признает и активную, преобразующую роль субъекта. Предметы и процессы материального мира лишь тогда являются объектом познания, когда они вовлекаются в сферу человеческих интересов, становятся объектом практики. И, наоборот, только правильно отразив, познав объективные свойства, сущность окружающих вещей и явлений, человек может преобразовывать и использовать их для удовлетворения своих потребностей.

И практика, и опыт отражают взаимодействие между человеком и объективным миром, между субъектом и объектом. Однако содержание и функции этих понятий совпадают не полностью. Так, практика охватывает всю материальную, общественно-историческую деятельность людей, направленную на преобразование природы и общества, а опыт — ту же деятельность в ее познавательной функции.

Опыт выступает как средство познания, а также является формой раскрытия законов объективного мира через его конкретные проявления. Вместе с тем опыт может быть предметом исследования, поскольку в нем в определенной форме отражена, запечатлена, дана объективная реальность, хотя сам по себе опыт ей не тождествен. Именно это объективное содержание опыта служит предметом теоретического анализа, обобщения.

Применительно к познанию общественной жизни опыт конкретизируется в понятие «социальный опыт», который отражает особенности общества как неотъемлемой, но своеобразной части материального мира.

Общественная жизнь есть процесс взаимодействия сознательно действующих людей. И если природа, животный мир являются объектами истории, то человек, наделенный волей и сознанием, становится субъектом, творцом своей истории. Общественно-исторический человек выступает субъектом истории не только потому, что он творит ее, но и потому, что он ее осознает. Спецификой исторического познания является то, что объект, предмет познания не находится вне человека, как это имеет место при естественнонаучном познании.

Объект исторического познания — это практически действующие люди, творящие свою историю. Они осознают ее, ибо иначе невозможно последующее воспроизводство и развитие общественной жизни, т. е. невозможен исторический процесс. Историческое познание, следовательно, подчинено задаче исторического творчества, т. е. является неотъемлемой стороной исторической практики, служит ей.

² См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 18, с. 154, 156.

Это познание может происходить в непосредственной, эмпирической и теоретической форме. Последняя осуществляется исторической наукой как специальной отраслью знания, отражающей на основе выявления конкретно-исторических закономерностей ход исторического развития в его конкретных проявлениях, и социологией (философией истории), выявляющей общие закономерности общественного развития. Но осознание истории осуществляется уже в ходе исторического процесса самими ее творцами — людьми, обладающими сознанием и волей. Это непосредственное отражение исторического процесса и есть социальный опыт.

Объектом социального опыта служит общественная жизнь, события и факты истории. Субъектом его может выступать человек, носитель социально-исторической практики, или та или иная социальная общность — род, племя, класс, народ, человечество. Следовательно, можно говорить об историческом опыте конкретно-исторического человека (принадлежащего к определенному классу в классовом обществе) или об опыте социальной общности — того или иного класса, народа или человечества в целом в каждый данный момент их существования либо на качественно определенном этапе его развития. Последнее определяется тем, что развитие общества, история человечества — не непрерывный поток, а естественноисторический процесс смены общественно-экономических формаций и предполагает качественно определенные этапы и революционные переходы.

Поскольку общественно-историческая практика осуществляется в различных формах, что находит выражение в разнообразии сфер общественной жизни (производственной, политической, духовной и т. д.), то и непосредственное осознание исторического процесса происходит в форме производственного опыта, опыта классовой борьбы, революционного опыта и т. д. К формам социального опыта относятся также социальный эксперимент и контролируемое наблюдение в процессе конкретных социологических исследований.

Социальный опыт — это не пассивное отражение хода истории в сознании людей. Это общественно-историческая практика, осознанная с точки зрения значения опыта для последующей исторической деятельности. В опыте фиксируется не только то, что удовлетворяет потребности общественного развития, но и то, что мешает этому. В первом случае мы имеем дело с положительным, во втором — с отрицательным опытом. Положительный опыт может быть в основе практических действий для достижения положительных результатов, а отрицательный — как предостережение от неудач, ошибок. Значимость отрицательного опыта не меньшая, чем положительного, ибо исторический процесс есть не нечто прямолинейное. Он предполагает и зигзаги, и временные отступления. Общая, прогрессивная тенденция развития общества, опирающаяся в конечном итоге на прогресс производительных сил, выявляется при изучении определенных исторических эпох. При рассмотрении же более узких отрезков истории мы видим, что развитие совершается не по некоему предопределенному пути, а, скорее, методом «проб и ошибок». Однако каждое историческое событие очень сложно по своему историческому содержанию. Будучи итогом множества человеческих стремлений и действий, оно не однозначно с точки зрения его роли и влияния на последующие исторические события. В условиях классово-антагонистического общества то, что служит положительным опытом для одного класса или его представителя, является отрицательным для класса-антипода.

Социальный опыт, его объективное содержание является предметом исследования, теоретического анализа и обобщения, основой теории общественного развития. В. И. Ленин указывал, что опыт выступает как объект познания, независимый от познания.

Специфика общественного развития, история человеческого общества, находящая отражение в особенностях социального опыта, определяют и своеобразие теоретических форм социально-исторического познания в отличие от естественнонаучного.

Марксистско-ленинское учение решает вопрос о возможности извлечения уроков истории и использования исторического опыта, раскрывает формы и средства его восприятия и передачи.

В. И. Ленин в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» и других произведениях, обобщающих опыт первых лет строительства социализма в нашей стране, разработал вопрос об исторической значимости того или иного социального опыта. Он определил международное значение Великого Октября в широком и узком смысле. В широком смысле, т. е. в плане непосредственного воздействия на ход исторических событий, международное значение имеют все основные и многие второстепенные черты Октября. В узком же смысле, т. е. в смысле международной значимости или исторической неизбежности повторения в международном масштабе³, это значение имеют некоторые основные черты революции, Советской власти, основы большевистской стратегии и тактики. Величайшей ошибкой, по Ленину, было бы распространение этой значимости не только на некоторые основные, но и на все черты революции. Отрицание же вообще международной значимости Октября приводит к защите оппортунизма и социал-предательства.

Использование исторического опыта предполагает определенные объективные и субъективные условия.

Объективные условия — это в конечном итоге повторяемость, присущая реальному историческому процессу. Она может быть рассмотрена в двух аспектах — повторяемость в истории одного и того же народа (или исторической общности, а также конкретной исторической личности) на различных ступенях его развития, т. е. как бы по «вертикали», и повторяемость в истории различных народов, переживающих один и тот же этап исторического развития, одну и ту же формацию (однотипное историческое явление), т. е. по «горизонтали».

В силу неравномерности исторического развития различных народов, одни и те же ступени общественного развития они проходят одновременно. Те народы, у которых складывались благоприятные условия, в ту или иную эпоху процветали, выходили на передний край исторического развития. Их опыт был первым историческим опытом развития на новом, более прогрессивном этапе. Особая значимость — практическая и теоретическая — первого социального (исторического) опыта заключается в том, что в нем впервые обнаруживаются те закономерности (существенные черты), которые свойственны всему данному этапу общественного развития (однотипного явления) и которые повторяются в сходных условиях в другое время и в других странах.

В повторяемости существенных, закономерных черт состоит историческая значимость того или иного социального опыта. В силу неравномерности и нелинейности общественного развития, в силу того, что исторический прогресс предполагает зигзаги, отступления и тупиковые варианты развития, историческая значимость опыта различных народов или одного и того же народа на разных этапах неодинакова.

³ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 3.

Субъективным условием использования исторического опыта является наличие социальных сил, осознающих практическую значимость того или иного социального опыта и способных с помощью определенных организационных мер применять его с учетом конкретной обстановки.

В вопросе о возможностях и формах использования исторического опыта марксизм ведет борьбу с историческим релятивизмом, с одной стороны, и с догматизмом, — с другой. Первый, отрицая повторяемость, закономерность в общественном развитии, отвергает возможность использования исторического опыта, второй выступает за механическое перенесение исторического опыта на новую почву. Использование исторического опыта — не механический перенос его из одной исторической эпохи в другую или из одной страны в другую. Этот опыт трансформируется в соответствии с конкретными условиями новой социальной среды. Степень трансформации зависит от большего или меньшего различия в первоначальных условиях, породивших тот или иной опыт, и новых, в которые он переносится.

Использование опыта может осуществляться либо непосредственно, путем заимствования и практического применения тех или иных его сторон, либо опосредованно — путем использования научных выводов, сделанных на основе обобщения этого опыта. В любом случае усвоенный опыт должен превратиться в реальный фактор исторического творчества тех, кто его воспринимает. В качестве такового он способствует ускорению исторического процесса.

Ускоряющее значение использования социального опыта особенно усиливается в условиях социалистической формации, когда становление и развитие социалистического общества осуществляется под руководством коммунистических и рабочих партий, которые на основе марксистско-ленинской теории могут успешно использовать опыт других социалистических стран с учетом конкретно-исторических условий. «Одно из больших преимуществ мировой системы социализма, нашего образа жизни состоит в том, — говорил Л. И. Брежнев, — что в ходе развития братских стран компартии внимательно изучают и используют положительный опыт друг друга. Опыт коммунистов Советского Союза, впервые проложивших путь социалистического развития, практика других стран... составляет коллективный опыт социализма, наше большое совместное богатство. Его умелое использование приносит громадную пользу каждой из братских стран, избавляя подчас от лишних поисков уже найденных другими решений или предупреждая от повторения допущенных кем-то ранее просчетов и ошибок»⁴.

М. А. Ахмедова

**СОЦИАЛ ТАЖРИБА ВА УНИ ТАРИХИЙ НУҚТАИ НАЗАРДАН
УРГАНИШНИНГ АҲАМИЯТИ**

Ушбу мақолада «социал тажриба» тушунчасининг моҳияти, бу тушунчанинг ижтимоий ривожланиш қонунларини тадқиқ этишдаги роли очиб берилган.

⁴ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 3, М., 1972, с. 398. i

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К ОПТИМИЗАЦИИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНЫХ ФУНКЦИЙ СИСТЕМЫ ГОСГОРТЕХНАДЗОРА СССР

КПСС и Советское государство уделяют огромное внимание делу охраны природы. «Хозяйское, рачительное использование естественных ресурсов, забота о земле, о лесе, о реках и чистом воздухе, о растительном и животном мире — все это наше кровное коммунистическое дело»¹. Эти слова Л. И. Брежнева четко отражают позицию партии и правительства в области охраны природы. Значимость этой проблемы отмечена в документах XXVI съезда КПСС и XX съезда Компартии Узбекистана.

Проблемы охраны природы нашли свое отражение в Конституциях СССР, союзных и автономных республик. Основах земельного законодательства. Основах законодательства о здравоохранении. Основах водного законодательства, Основах законодательства о недрах, Основах лесного законодательства и других законодательных актах.

Охрана природы включает в себя рациональное, комплексное использование недр и бережное отношение к ним. Недра (как составная часть природной среды) — специфические природные ресурсы. Основные богатства их — полезные ископаемые — невозобновимы. Они имеют огромное значение для народного хозяйства страны.

В условиях научно-технической революции использование недр идет всевозрастающими темпами, методы его совершенствуются и усложняются. Введение в практику предприятий по добыче полезных ископаемых новых методов использования богатств недр (газификация углей, применение технологии замкнутых циклов горных работ и т. п.) почти полностью исключает загрязнение окружающей природной среды. Примером может служить применение гидрометаллургического способа добычи металлов с использованием для этой цели бактерий, что в несколько раз увеличивает металлоотдачу руд и не только сокращает расход полезных ископаемых, уменьшение отвалов «пустых» пород, но и исключает выброс в атмосферу вредных газов². Технология замкнутых циклов наиболее полно удовлетворяет требованиям комплексного, рационального использования богатств недр, их охраны, а значит и охраны природной среды в целом.

При усиливающемся воздействии человека на природу многие негативные результаты его зачастую невозможно исправить. В этих условиях любая хозяйственная деятельность предприятий, имеющих объектом своей деятельности природные ресурсы (в данном случае — ресурсы недр), нуждается в каждодневном контроле и надзоре за их использованием и охраной.

На наш взгляд, наиболее эффективную контрольно-надзорную функцию за рациональным, комплексным использованием и охраной природных ресурсов смогут осуществлять только те органы, которые не связаны ведомственными рамками и ведомственными интересами. Оптимальный вариант их построения — надведомственный характер этих органов.

В литературе высказывалось мнение, что в настоящее время нет такого органа, который обеспечивал бы в общегосударственном масштабе и с неведомственных позиций контроль за рациональным использованием всех частей недр³. Мы считаем, что таким органом мог бы стать Комитет по надзору за безопасным ведением работ в промышленности и горному надзору при Совете Министров СССР (Госгортехнадзор СССР) и его республиканские подразделения — госгортехнадзоры союзных республик. Вся эта система функционирует с вневедомственных позиций. Надо лишь расширить права Госгортехнадзора СССР, придав ему больше властных полномочий по надзору и контролю за использованием и охраной всех частей недр.

¹ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речи и статьи. Т. 2. М., 1973, с. 103—104.

² См.: Хейнман С. А. Научно-техническая революция сегодня и завтра. М., 1977, с. 206—207.

³ См., напр.: Сыродоев Н. А. Правовой режим недр. М., 1969, с. 74.

Практически в системе госгортехнадзора непосредственный контроль и надзор за использованием и охраной недр осуществляется в основном низовыми органами, — районными горно-техническими инспекциями (РГТИ), силами их инспекторов, наблюдающих за работой предприятий по добыче полезных ископаемых.

Поэтому, на наш взгляд, необходимо:

1) передать в их ведение контрольно-надзорные функции на всех этапах использования и охраны недр;

2) значительно расширить права РГТИ, предоставив, в частности, инспекторам РГТИ право наложения штрафов на лиц, виновных в нарушении правил использования и охраны недр.

Кроме того, контрольно-надзорные функции за использованием и охраной общераспространенных полезных ископаемых, осуществляемые ныне районными (городскими) исполкомами Советов народных депутатов, надо передать в ведение Госгортехнадзора СССР.

Реализация этих предложений будет способствовать, во-первых, тому, что контрольно-надзорные функции за использованием и охраной всех частей недр будут сосредоточены в руках минимально необходимого круга органов надведомственной системы Госгортехнадзора СССР; во-вторых, — более эффективному осуществлению этими органами своих контрольно-надзорных функций; в-третьих, — более строгому и точному соблюдению требований по использованию и охране недр со стороны всех недорпользователей, а значит и более надежной охране природной среды в целом.

А. Р. Мухамедэв

РОСТ МАТЕРИАЛЬНОГО БЛАГОСОСТОЯНИЯ СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИКОВ УЗБЕКИСТАНА В УСЛОВИЯХ РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА

(На материалах Хорезмской области)

Главной целью КПСС является создание лучшей жизни для советских людей. «Думается, — говорил Л. И. Брежнев на октябрьском (1980) Пленуме ЦК КПСС, — что это и есть самый партийный подход, когда во главу угла кладется забота о благе народа»¹.

Об этом же подробно говорится в Отчетном докладе ЦК и других материалах XXVI съезда КПСС.

Составной частью политики партии по подъему благосостояния советского народа является неустанная забота о повышении материального уровня жизни труженников села. Это ярко видно, в частности, на примере Хорезмской области Узбекской ССР. Труженники колхозов и совхозов Хорезма добились крупных успехов в развитии хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства. На этой основе растут их доходы от общественного хозяйства, повышается материальное благосостояние сельского населения.

Росту доходов колхозников, повышению их материальной заинтересованности в развитии общественного производства во многом способствовал переход к гарантированной ежемесячной оплате труда, осуществленный в соответствии с решениями мартовского (1965) Пленума ЦК КПСС.

В результате неуклонного увеличения национального дохода и его доли, направляемой на личное потребление трудящихся, укрепления экономических рычагов развития колхозного и совхозного производства, повышения его продуктивности выросли доходы и укрепилась экономика колхозов и совхозов. Так, доходы хлопкосеющих хозяйств Хорезма повысились с 137,5 млн. руб. в 1966 г. до 208 млн. руб. в 1970 г.²

Надо отметить, что благодаря высокой урожайности хлопчатника доходы сельских труженников Хорезма от этой отрасли были значительно выше, чем по республике в целом. Так, в 1966 г. в среднем по УзССР колхозы получили с каждого гектара посевов хлопчатника по 246 руб. чистой прибыли, а в Хорезме — по 322 руб.³

Значительная часть доходов колхозов (примерно 70%) распределялась по человеку-дням, причем в 1965 г. оплата одного человеко-дня составляла в среднем 2,65 руб., а в 1967 г. — 3,42 руб. Среднегодовой заработок колхозника от общественного хозяйства за указанный период поднялся с 703 до 880 руб.⁴

Особенно высокими были доходы передовых хозяйств. Так, в колхозе им. Нариманова Хазараспского района благодаря высокой эффективности производства дохо-

¹ «Коммунист Узбекистана», 1980, № 11, с. 7.

² Партархив Хорезмского ОК КПУз, ф. 1, оп. 80, д. 115, л. 73.

³ «Узбекистон кишлок хужалиги», 1968, № 4, с. 18—20.

⁴ ПА УзФИМЛ, ф. 58, оп. 272, д. 636, л. 11.

ды от продажи государству хлопка и других продуктов сельского хозяйства составили в 1968 г. 4100 тыс. руб. против 3869 тыс. руб. в 1967 г. Это позволило заметно повысить стоимость трудодня. На каждый человеко-день в хлопководстве, например, пришлось 4 руб. 80 коп. В результате возросла и среднемесячная заработная плата колхозников — с 90 руб. в 1967 г. до 110 руб. в 1968 г.⁵, т. е. достигла уровня среднемесячной заработной платы рабочих и служащих по стране.

В целом по области общая сумма выплат колхозникам за их труд поднялась с 51 112 тыс. руб. в 1964 г. до 106 368 тыс. руб. в 1971 г., оплата одного человеко-дня — с 2,01 до 4,24 руб.

Анализ статистических данных показывает, что значительную часть доходов колхозников составляли дополнительные выплаты, которые росли гораздо быстрее, чем общие их доходы. С 1964 по 1971 г. их сумма увеличилась с 2154 тыс. до 21 679 тыс. руб. Это — яркое подтверждение эффективности намеченных и проводимых партий мер по экономическому стимулированию труда колхозников и рабочих совхозов.

Наряду с ростом доходов населения от общественного производства неуклонно возрастают и общественные фонды потребления.

Основная часть денежных выплат из общественных фондов потребления приходится на социальное обеспечение и социальное страхование. Одним из существенных завоеваний нашего народа в период восьмой пятилетки явилось широкое распространение на колхозное крестьянство системы пенсионного обеспечения — основной формы материального обеспечения престарелых и нетрудоспособных граждан за счет средств общества.

Принятый в 1964 г. Закон «О пенсиях и пособиях членам колхозов», которым устанавливалась материальное обеспечение всех нетрудоспособных членов колхозов⁶, широко претворился в жизнь и в колхозах Хорезма. Как отмечалось на XIX областной партконференции, в 1966 г. в области насчитывалось 37 тыс. колхозников-пенсионеров. Им было выплачено за год 5,6 млн. руб.

В соответствии с решениями XXIV съезда партии, были повышены минимальные размеры пенсии по старости, в том числе колхозников; на членов колхозов распространялись условия исчисления пенсий, установленные для рабочих и служащих, постоянно проживающих в сельской местности и связанных с сельским хозяйством.

В годы девятой пятилетки произошло дальнейшее укрепление экономики колхозов, повышение доходов колхозников от общественного хозяйства. Этому наряду с ростом общественного производства способствовали меры, принятые партией и правительством по дальнейшему материальному стимулированию труда хлопкоробов. Так, в 1974—1975 гг. были повышены закупочные цены на хлопок, особенно проданный сверх плана.

Все это благотворно сказалось и на материальном положении сельских труженников Хорезма. Так, колхоз им. Нариманова Багатского района получил в 1969 г. 3971,7 тыс. руб. дохода, а в 1975 г. — 8482,5 тыс., колхоз им. Кирова Янгиарыкского района — соответственно 1757,1 тыс. и 2512,9 тыс., колхоз им. Куйбышева Гурленского района — 2223,1 тыс. и 3957,9 тыс. руб. Доходы колхозов Ургенчского района за эти годы повысились с 18 566 тыс. руб. до 27 701 тыс., Гурленского — с 22 172 тыс. до 40 551 тыс. руб. и т. д.

Значительная часть доходов хозяйств была отчислена в неделимые фонды, которые в целом по области возросли с 251,3 млн. руб. в 1970 г. до 375,4 млн. руб. в 1975 г.⁷

Дальнейшее развитие и совершенствование получило пенсионное обеспечение. Только с 1970 по 1973 г. контингент получающих пенсии увеличился с 71,6 до 82,0 тыс., причем 56,1 тыс. человек, или 2/3, составляли пенсионеры-колхозники.

Годы десятой пятилетки ознаменовались дальнейшим повышением материального благосостояния советских людей, в том числе труженников села. Например, в 1977 г. доходы колхозов Хорезма от реализации сельскохозяйственной продукции составили 271,3 млн. руб. против 116,2 млн. руб. в 1964 г. Это позволило существенно повысить оплату труда колхозников. Если в 1964 г. колхозами области было израсходовано на эти цели 51,1 млн. руб., то в 1977 г. — 130,7 млн. руб.

В целях материального стимулирования роста производительности труда широко применялась дополнительная оплата труда, сумма которой по колхозам области увеличилась с 2,2 млн. руб. в 1964 г. до 28,7 млн. руб. в 1977 г.

Все более весомым становился колхозный трудодень. Если в 1964 г. оплата одного трудодня составляла 2,21 руб., то в 1977 г. — 5 руб. Оплата труда колхозников росла более высокими темпами, чем зарплата рабочих и служащих. Если последняя

⁵ «Хорезмская правда», 1969 г., 7 января.

⁶ Справочник партийного работника. Вып. 6. М., 1966, с. 255.

⁷ Народное хозяйство Узбекской ССР в 1975 году. Статистический ежегодник. Ташкент, 1976, с. 123, 205, 208—209.

выросла за 10-ю пятилетку на 10%, то оплата труда колхозников — на 23%⁸. В целом за 1966—1980 гг. денежные доходы колхозников от общественного производства увеличились в 2,9 раза⁹.

Дальнейшее развитие получило пенсионное обеспечение. Только за первые два года десятой пятилетки сумма пенсий и пособий возросла в 1,7 раза по сравнению с таким же периодом девятой пятилетки¹⁰. К концу десятой пятилетки численность лиц, получающих пенсии и пособия, превысила 330 тыс. человек¹¹. За 15 лет общая сумма государственных пенсий и пособий увеличилась в 5,3 раза.

Неуклонное возрастание денежных доходов трудящихся — главный, но не единственный показатель подъема их материального благосостояния. «...Повышение уровня жизни трудящихся, — говорил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — не сводится к росту денежных доходов»¹².

Важным фактором и показателем повышения благосостояния советских людей служит все более широкий размах жилищного строительства.

Значительное развитие получило оно и в колхозах Хорезмской области. Так, в 1965 г. там было введено в действие жилых домов общей полезной площадью 111 тыс. м², в 1970 г. — 138 тыс. м², в 1975 г. — 164 тыс. м² жилья¹³. Только за 1971—1980 гг. в колхозах области было построено 1661 тыс. м² жилья¹⁴.

В середине 60-х годов в хорезмский кшлак пришел природный газ. Тогда его получило 20 колхозов¹⁵. К 1980 г. число газифицированных населенных пунктов в области увеличилось до 138 против 11 в 1965 г.¹⁶

Существенные сдвиги произошли в развитии торговой сети и товарооборота на селе. В Хорезмской области, например, за 1965—1980 гг. число предприятий кооперативной торговли возросло с 645 до 1115, а розничный товароборот их — с 81,7 млн. руб. до 245,3 млн. руб.¹⁷

Улучшается и бытовое обслуживание сельского населения области. Так, сеть предприятий бытового обслуживания в селах Хорезма выросла с 228 в 1965 г. до 722 в 1975 г.¹⁸, а объем оказываемых ею услуг — с 778 тыс. руб. до 9663 тыс. руб.¹⁹

Все это наглядно свидетельствует о том, что в результате огромной заботы КПСС и Советского государства, самоотверженного труда советских людей, успешного развития всех отраслей народного хозяйства в условиях зрелого социализма закономерно идет неуклонный рост материального благосостояния широких масс населения города и села.

С. Раджабов

⁸ «Хорезмская правда», 1981 г., 20 февраля.

⁹ Народное хозяйство Хорезмской области (1976—1980 гг.). Статистический сборник. Ургенч, 1981, с. 131.

¹⁰ «Хоразм хақиқати», 1979 г., 20 января.

¹¹ «Хорезмская правда», 1981 г., 20 февраля.

¹² «Правда», 1981 г., 24 февраля.

¹³ Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1977, с. 222.

¹⁴ Народное хозяйство Хорезмской области (1976—1980 гг.), с. 133.

¹⁵ Партархив Хорезмского ОК КПУз, ф. 1, оп. 86, д. 19, л. 43.

¹⁶ Народное хозяйство Хорезмской области (1976—1980 гг.), с. 167.

¹⁷ Там же, с. 144, 146.

¹⁸ Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти, с. 264.

¹⁹ Там же, с. 265.

ДАЛЬНЕЙШЕЕ УЛУЧШЕНИЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО БЫТА СЕЛЬСКИХ ТРУЖЕНИКОВ УЗБЕКИСТАНА

В условиях развитого социализма одной из важнейших задач осуществляемой КПСС и Советским государством широкой, комплексной, научно обоснованной и планомерно реализуемой социально-экономической политики является решение коренных социальных проблем советской деревни — преодоление существенных различий между городом и селом, условиями труда, жизни и быта городского и сельского населения.

Значимость этих задач с новой силой подчеркнута Л. И. Брежневым в речи на октябрьском (1980 г.) Пленуме ЦК КПСС. «Эффективное использование возможностей сельского хозяйства, — указывал Л. И. Брежнев, — самым непосредственным образом связано с решением социальных проблем деревни. Сделаю здесь немало, но предстоит сделать еще больше. Во многих районах не хватает благоустроенного жилья, учреждений быта и культуры, хороших дорог. Это создает трудности в формировании стабильных трудовых коллективов, а тем самым ведет к большим потерям. Проблемы переустройства села надо решать энергично и основательно, изыски-

вая для этого необходимые ресурсы как в общегосударственном масштабе, так и в республиках, краях и областях, в каждом колхозе и совхозе¹.

Эти задачи, важность которых отмечалась также в решениях XXVI съезда КПСС и XX съезда Компартии Узбекистана, особенно актуальны для нашей республики, большинство населения которой составляют труженики села. Огромная забота партии и правительства, успехи колхозно-совхозного производства, рост благосостояния и культуры сельских труженников создают необходимые условия для осуществления широкого комплекса мероприятий по переустройству села и сельского быта.

Как отмечал кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов, «благодаря успешному осуществлению грандиозных планов коммунистического строительства в нашей стране созданы благоприятные условия для коренного улучшения жизни народа и преобразования культуры его быта»². «...Борьба за высокую культуру быта,— подчеркнул Ш. Р. Рашидов,— это прежде всего борьба за нового человека, за всесторонний расцвет личности, за построение коммунистического общества»³.

Большая забота проявляется и о всемерном улучшении производственного быта сельских труженников.

Как известно, быт — это уклад повседневной жизни людей, находящийся вне рамок их непосредственной производственной и общественной деятельности, но неразрывно связанный с ними. Именно здесь происходит удовлетворение и вместе с тем воспитание материальных и культурных потребностей трудящихся, реализуются обычаи и традиции, идет формирование человеческой личности. Это — один из важнейших компонентов социалистического образа жизни советских людей.

Будучи сложным, многогранным социальным явлением, быт выступает в самых различных формах — общественной, национальной, индивидуальной, производственной и др. Производственный быт — это сфера воспитания, проявления и удовлетворения материальных и духовных потребностей трудящихся в процессе их трудовой деятельности. Он включает сложный комплекс мероприятий, нацеленных на удовлетворение этих растущих потребностей, охрану здоровья, обеспечение культурного отдыха людей, повышение их трудоспособности с тем, чтобы они могли с новыми силами, с новым зарядом энергии включиться в творческий производственный процесс.

Все это определяет значимость производственного быта, а отсюда — то пристальное внимание, которое уделяют ему наши партийные, советские, хозяйственные, общественные организации.

Об этом убедительно свидетельствуют конкретные материалы об улучшении производственного быта сельских труженников Узбекистана в годы десятой пятилетки в свете решений XXV съезда КПСС, XIX съезда Компартии Узбекистана и последующих Пленумов ЦК КПСС и ЦК КПУз.

Уже в 1976 г. в сельской местности УзССР действовало 9955 предприятий бытового обслуживания населения (против 8289 в 1970 г.), из них 766 приемных пунктов. Объем бытовых услуг за эти годы вырос с 56,0 до 153,5 млн. руб., а на душу населения — с 7 до 18 руб.

В 1975 г. объем бытовых услуг (общая стоимость их) в сельских местностях республики впервые превысил их общий объем в городах УзССР⁴. Это — ремонт и индивидуальный пошив обуви и одежды, ремонт радиотелевизионной аппаратуры, бытовой техники, транспортных средств, ремонт и изготовление мебели, химчистка, услуги прачечных, бань, парикмахерских, фотографий и т. д.

Центрами сосредоточения производственного быта на селе в сезон полевых работ становятся, как известно, полевые станы колхозов и совхозов. Их создание и оборудование имеют поэтому особое значение. В 1979 г. в 922 колхозах УзССР имелось 11 024, в 470 совхозах — 3836, а всего — 14 860 полевых станов, из них 8123 — типовых. В них, наряду с другим оборудованием, имелось 5500 телевизоров, 14 860 радиоприемников, 4500 холодильников, 14 860 столов, 44,6 тыс. стульев и т. д. В каждом полевом стане есть библиотека и сануголок.

Только в колхозах и совхозах Андижанской области, например, в 1979 г. действовало 2020 полевых станов, где имелось 1617 телевизоров, 1925 радиоточек, 1346 холодильников, 3187 столов, почти 17 тыс. стульев, около 16,8 тыс. кроватей и др. 970 полевых станов были обеспечены телефонами, 186 — душевыми, 1510 — газом, свыше 1200 — водопроводом или артезианскими скважинами.

В одном лишь колхозе «Правда Востока» Ленинского района Андижанской области на ремонт полевых станов было выделено в 1978 г. 24,5 тыс., в 1979 г. — 35,6 тыс. руб., а в 1980 г. — 40 тыс. руб. За это время количество холодильников там

¹ «Правда», 1980 г., 22 октября.

² Рашидов Ш. Р. Коммунистическое воспитание трудящихся и вопросы повышения культуры сельского быта. Ташкент, 1976, с. 16.

³ Там же, с. 3.

⁴ Народное хозяйство Узбекской ССР за 60 лет Советской власти. Юбилейный статистический ежегодник. Ташкент, 1977, с. 261.

увеличилось с 5 до 15, телевизоров — с 26 до 36, столов и стульев — с 205 до 260, детских кроваток — с 350 до 720 и т. п. На художественное оформление полевых станов было израсходовано в 1975 г. 4513, в 1979 г. — 8600, в 1980 г. — 8900, а всего за 1975—1980 гг. — около 43 тыс. руб. На спортивное оборудование полевых станоз ежегодно отпускается более 8 тыс. руб. На горячее питание только в 1979 г. было израсходовано 85,5 тыс. руб. и т. д. Всего в этом колхозе было тогда 36 полевых станоз (из них 15 типовых). При них работало 25 ларьков, 17 медпунктов и т. д. На каждом полевом стане имелаь детская площадка.

В качестве примера можно взять полевые станы 9-й бригады колхоза «Правда Востока», где бригадиром работает Герой Социалистического Труда Н. Якубов. Бригада эта (в составе 80 членоз) обрабатывает 120 га посевоз. На ее участке оборудовано два полевых стана, из них один типовой (0,5 га), где имеются: шипан, кухня, спортивная площадка, детская площадка, огороды, столовая.

Шипан состоит из 4 комнат с застекленной террасой и открытой верандой. Первая комната — совета бригады. В ней имеются: один стол, 10 стульев, холодильник, подставка с телевизором, радио, стол с подшивками газет, телефон.

Совет бригады состоит из 5 человек. В специальном шкафу хранятся протоколы совета бригады, собраний членоз бригады, комсомольских собраний, собраний женсовета. На стенах вывешены список членоз бригады, их социалистические обязательства. Имеются стенды «Наши будни», портреты К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина.

В тумбочке под телевизором находятся краски, карандаши, бумага — все необходимое для выпуска газет. В шкафу — сельскохозяйственная литература. На стене фотомонтажи: «Наши победители», «Организаторы нашего колхоза». Пол застелен дорожками.

Вторая комната — для девушек. Пол застелен паласом и курпачи. Посередине поставлены 2 хонтахты (узбекский столик). В специальном шкафу находятся музыкальные инструменты: 2 рубоба, 2 дойры, 1 скрипка.

В одном углу на полках находятся 3 швейные машины, различные нитки и приспособления для занятия рукоделием. В этом же углу организована выставка изделий рукоделия.

К девушкам 3 раза в месяц приходят мастера из районного индпошива, которые обучают их рукоделию, кройке, шитью, домоводству.

Здесь имеется шкаф с посудой, которая используется и как учебное пособие по домоводству (как обставить квартиру, расставлять посуду в сервантах и т. п.). Кроме того, имеется специальная литература по домоводству. В свободное от работы время девушки учатся основам ведения домашнего хозяйства. В этом им помогают специалисты, которые 2—3 раза в месяц проводят занятия на полевых станах.

На стене висят список членоз женсовета и фотостенд «Женщины бригады — передовики производства». В комнате имеется радиопроигрыватель с пластинками. Есть список дежурства девушек по комнате.

Третья комната — ясли. Сезонные ясли охватывают 20 детей, в основном грудных. Здесь в большой комнате поставлены 22 качки, имеются бельевой шкаф, два детских стола, 10 стульев, полки для игрушек, посудный шкаф. Пол застелен дорожками. Имеется 25 комплектов постельного белья, 20 детских полотенец.

В медицинской комнате — кровать, процедурный стол, шкаф для медикаментоз, стерилизатор, сануголок, стол для медсестры. Пол застелен дорожками.

Спереди к шипану примыкает открытая терраса. Здесь поставлены 3 сури, застеленные паласами и курпача.

На стене — газеты: «Комсомолец», «Молния», витрины свежих газет. На столе новые журналы: «Саодат», «Гулистан», «Огонек», «Фан ва турмуш» и др.

В одном углу стоят два умывальника, рядом шкаф с чистыми полотенцами, 6 бритвенных приборов. Здесь же стоит трельяж.

С задней стороны шипана имеется застекленная терраса с выходом на улицу. Здесь размещен магазин без продавца. В нем имеется книга запросов покупателей. На другом краю террасы поставлены столы и стулья, шкаф для спортивного инвентаря с 3 комплектами шахмат, 4 — шашек, 2 коробки домино, 2 футбольных, 1 баскетбольный, 1 волейбольный мячи.

На территории полевого стана расположены кухня и столовая.

В кухне находятся: две газовые плиты, 10 больших чайников, шкаф для посуды: 50 чины, 100 различных тарелок, 70 комплектов ножей, вилок, ложек.

Рядом — столовая, где в холодное или дождливое время обедают колхозники. Здесь поставлены 2 стола, вокруг — 6 длинных скамеек. У стены — шкаф, где находятся скатерти, салфетки, полотенца. Стены украшены лозунгами. Вывешено также недельное меню.

Горячее питание в колхозе централизовано. На каждый полевой стан из колхозной кухни привозят обед (не только для колхозников, но и для детей). Обед обходится колхозникам 18—20 коп. в день.

На полевом стане, как и во всем колхозе, используют природный газ, проведен водопровод. На территории полевого стана растут 6 больших тополей, карагач. Под

деревьями поставлены 4 сурни, застеленные паласами и курпачами. Стоят длинный обеденный стол и 6 скамеек. Кругом посажены цветы.

На полевом стане по решению колхоза построен детский городок, где имеются качели, горка, карусели, песочница.

Спортивных площадок 3: волейбольная, футбольная, баскетбольная.

На территории полевого стана имеется огород. Здесь сажают огурцы, помидоры, зелень, морковь, капусту, что существенно расширяет ассортимент питания колхозников в полевых условиях.

Весь полевой стан оформлен плакатами, лозунгами, панно. За его оформление отвечает художник колхоза.

Ежедневно 2 члена бригады убирают полевой стан и отвечают за его санитарное состояние.

На самом видном месте полевого стана установлен флагшток. Флаг поднимается ежедневно в честь победителя соревнования.

Раз в месяц, во время хлопковой страды, на полевой стан приезжает из колхозного Дома быта бригада, которая занимается ремонтом одежды, обуви, телевизоров, приемников, холодильников, посуды.

Перед колхозниками регулярно выступают лекторы. Им были прочитано в 1978 г. 38, в 1979 г. — 42, а в 1980 г. — 59 лекций. Дважды в месяц сюда приезжают артисты, агитбригады. Здесь проходят встречи с поэтами, писателями.

На полевом стане чувствуют передовиков производства, устраивают проводы в армию, на пенсию, проводят вечера отдыха, комсомольские и бригадные собрания.

Таких примеров можно привести очень много.

В целом по селам Андижанской области в 1980 г. объем бытовых услуг населению превысил 7,5 млн. руб. Здесь действовало свыше 1200 предприятий бытового обслуживания. Торговое обслуживание полевых станов обеспечивали 138 автолавок системы Андижанского облпотребсоюза, оборот которых превысил 9,7 млн. руб.

Много внимания уделяется охране здоровья сельских труженников, гигиене труда и быта. В 1980 г. на полевых станах колхозов и совхозов области имелось 2586 санпостов, санучастков и аптек против 2448 в 1976 г. Их обслуживали 11800 медработников. Количество сельских передвижных амбулаторий увеличилось с 12 в 1978 г. до 29 в 1980 г.

Большое значение в укреплении здоровья и организации культурного отдыха труженников полей имеют физкультура и спорт. На полевых станах колхозов и совхозов Андижанской области с помощью спортивного общества «Пахтакор» к 1979 г. было оборудовано более 600 спортплощадок, установлено 147 столов для настольного тенниса, приобретено почти 1500 комплектов шахмат и шашек и т. д.

Аналогичная работа ведется и в других областях Узбекистана. Осуществляемый под руководством партийных организаций комплекс мероприятий по улучшению производственного быта сельских труженников является важной составной частью большой и многогранной работы по подъему культуры быта села, материального благосостояния колхозников и рабочих совхозов, укреплению их здоровья, организации культурного досуга, повышению их творческой активности в общественном производстве.

Так в условиях Узбекистана претворяется в жизнь поставленная партией задача — «приблизить труженников села к городским жителям и по уровню благосостояния, и по культурно-бытовому обслуживанию, и по образу и удобствам жизни»⁵.

И если в 1980 г. труженники полей Узбекистана дали Родине более 6,2 млн. т хлопка и много другой продукции земледелия и животноводства, то в этой славной трудовой победе немалую роль сыграло неуклонное улучшение условий труда, жизни и быта колхозников и рабочих совхозов, отвечающих на огромную заботу партии и правительства умножением творческих усилий в борьбе за решение грандиозных задач строительства коммунизма в нашей стране.

Д. Д. Хасанова

⁵ Брежнев Л. И. Ленинским курсом. Речь и статьи. Т. 2. М., 1970, с. 67.

ДРЕВНИЕ ПУТИ НА ЮГЕ УЗБЕКИСТАНА

Проблеме древних торговых путей посвящены многие работы археологов республике. Ими определены основные магистрали, связывавшие юг Узбекистана с другими районами в эпоху античности и средневековья, а ряд крупных памятников, рас-

положенных на них, отождествлен М. Е. Массоном с городами, известными по письменным источникам¹.

Дороги более раннего времени из-за отсутствия конкретных данных в прошлом оставались фактически неизученными. За последнее десятилетие на юге УзССР открыты новые памятники, датировка которых заметно уточнена, что позволяет не только наметить древнейшие пути, ведущие в отдельные районы Южного Узбекистана, но и поставить вопрос об их генезисе.

Еще задолго до того, как сформировались официальные магистрали, существовали иные пути заселения неосвоенных территорий, обмена и культурных связей. С зарождением последних основные трассы экономического и культурного обмена шли вдоль рек, бассейны которых служили местом расселения древних племен, а потому границы историко-культурных областей не проходили по рекам.

Долины Кашкадарьи и Сурхана входили в состав двух историко-культурных областей — Согда и Бактрии. Традиционная локализация их границ по реке Окс (Амударья), восходящая к письменной хронике эпохи античности, долгое время оставалась общепринятой в научной литературе. С накоплением археологических данных некоторые исследователи отказались от этого утверждения, считая границей двух историко-культурных областей горную систему Гиссара—Байсуна². Однако последний вывод считается спорным, поэтому в различных изданиях Амударья еще фигурирует как рубеж Бактрии и Согда³.

Вопрос о границах расселения в долине Сурхана и принципы их картографирования занимают большое место в археологических исследованиях⁴. Аналогичные работы проводятся и в долине Кашкадарьи⁵, что позволяет ввести в научный оборот новые данные.

В начале и середине I тыс. до н. э. в долинах Сурхана и Кашкадарьи поселения также располагались по отдельным ирригационным районам и связывались с общим источником водопользования, что позволяет видеть в них древние оазисы⁶. Древнеземледельческие районы долин Сурхана и Кашкадарьи располагались параллельно друг другу вдоль горной системы Гиссара—Байсуна (рис. 1), которая выступала естественным рубежом двух обширных зон расселения, изолированных не только территориально, но и экономически. Однако между ними существовали историко-культурные связи.

Амударья, напротив, выполняла объединительную функцию. С севера и юга от реки располагались поселения, культура которых была единой, о чем свидетельствуют планировка и типы изученных памятников, строительные материалы и конструкция жилищ, производственно-бытовой инвентарь и общность ведения хозяйства⁷.

Культура долины Кашкадарьи эпохи раннего железа или даже античности имела ряд отличий, видимо, отражавших специфику развития культуры данного региона, что зависело от ряда факторов, в том числе территориальных.

Со времени интенсивного освоения новых территорий появилась необходимость выбора кратчайших путей, ведущих на слабозаселенные или вообще незаселенные земли. И уже в середине II тыс. до н. э. пути освоения новых земель сходились на Амударье, когда в Северном Афганистане и долине Сурхана формировалась оседло-земледельческая культура эпохи бронзы⁸.

Развитие земледелия в долине Кашкадарьи, по имеющимся данным началось позже, очевидно, в конце II — начале I тыс. до н. э. Материалы о местном генезисе этой культуры отсутствуют. Не исключено, что бассейн Кашкадарьи заселяли пле-

¹ Массон М. Е. Проблемы изучения цистерн-сардоба. — «Материалы Узкомстариса», вып. 8, Ташкент, 1935; его же. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции ТашГУ по изучению восточной половины Кашкадарьянской области. — Труды ТашГУ, № 533, Ташкент, 1977.

² Дьяконов М. М. Сложение классового общества в Северной Бактрии. — «Советская археология», XIX, М., 1954, с. 123; Гафуров Б. Г. История таджикского народа. Т. I, М., 1955, с. 47.

³ Авдиев В. И. История древнего Востока. М., 1970, с. 464, карта; Фрай Р. Наследие Ирана. М., 1972, с. 74; Auboe J. Afghanistan und seine Kunst. Prague, 1968, S. 76.

⁴ Работы Узбекстанской искусствоведческой экспедиции Института искусствознания им. Хамзы.

⁵ Работы экспедиции кафедры археологии ТашГУ им. В. И. Ленина и Института археологии АН УзССР.

⁶ Сагдуллаев А. С. Древние поселения Кашкадарьи. — «Строительство и архитектура Узбекистана», 1979, № 7, с. 34.

⁷ Сагдуллаев А. С. Культура Северной Бактрии в эпоху поздней бронзы и раннего железа. Автореферат канд. дисс. Л., 1978, с. 15—16.

⁸ Сарнианиди В. И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977; Аскаров А. Древнеземледельческая культура эпохи бронзы юга Узбекистана. Ташкент, 1977.

мена степного круга и земледельцы долины Сурхана. Это отражает закономерный процесс освоения новых земель и расширения территории расселения древних земледельцев, под влиянием которых к оседлости могли перейти и какие-то группы скотоводческих племен. Возможно, мы наблюдаем механизм закрепления за отдельными колонистами необитаемых или «ничьих» территорий либо ассимиляцию пришлого населения с аборигенным, которое переходило к земледельческому хозяйству под влиянием носителей более развитой культуры.

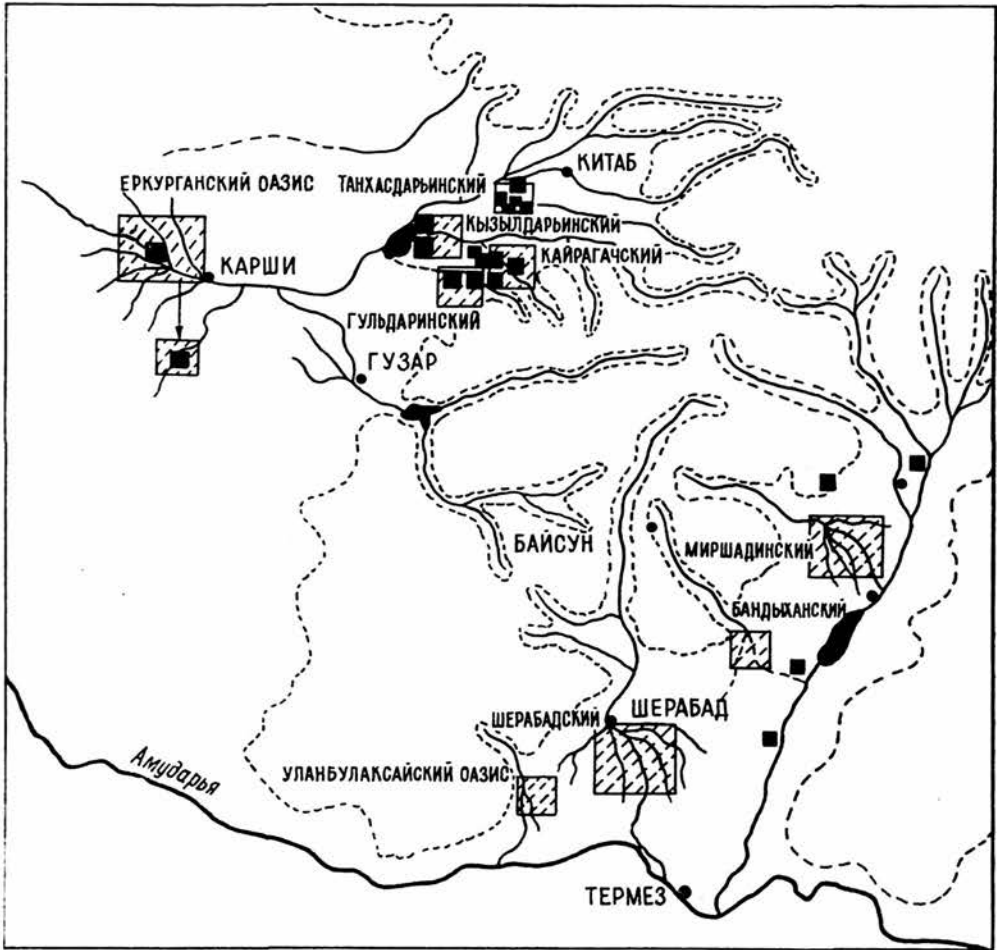

Рис. 1. Границы расселения в Южном Узбекистане в эпоху раннего железа.

Вряд ли путь северобактрийских земледельцев в долину Кашкадарьи — Южный Согд пролегал в обход Кугитанга по полупустынной безводной местности. Скорее всего, они могли использовать кратчайшую дорогу через сравнительно невысокий перевал Акрабад, вначале по долине Шерабаддарьи, а затем Кичик Урадарьи, откуда вели уже два пути — в западную и восточную часть Южного Согда — основные орошаемые зоны, богатые водными и земельными ресурсами (рис. 2). Итак, древнейшие пути проходили по рекам и вели опять-таки к рекам.

В прадрахменидский и ахеменидский периоды оседлые поселения формировались также по среднему течению Амударьи — в районе Дейнеу, где открыто поселение Одойтепа⁹, и в округе Керки¹⁰. Возможные пути освоения земель могли вести сюда из Южной Бактрии, вдоль Амударьи (рис. 2), хотя не исключено, что в район Дейнеу земледельцы могли проникнуть и из Мургабского оазиса.

Основными причинами миграций племен могли быть увеличение плотности населения в традиционных местах их обитания, вызывавшее перенаселенность, ограниче-

⁹ Пилипко В. Н. Из работ Амударьинского отряда. — «Археологические открытия», 1968, М., 1969.

¹⁰ См. работы В. Н. Пилипко.

ние земельных и водных ресурсов — у земледельцев, необходимость поиска новых пастбищ — у скотоводов. Новые компактные зоны расселения создавали часто не родственные племена, которые, выйдя за пределы своих метрополий, теряли контакты с ними, образуя новые племенные группы¹¹.

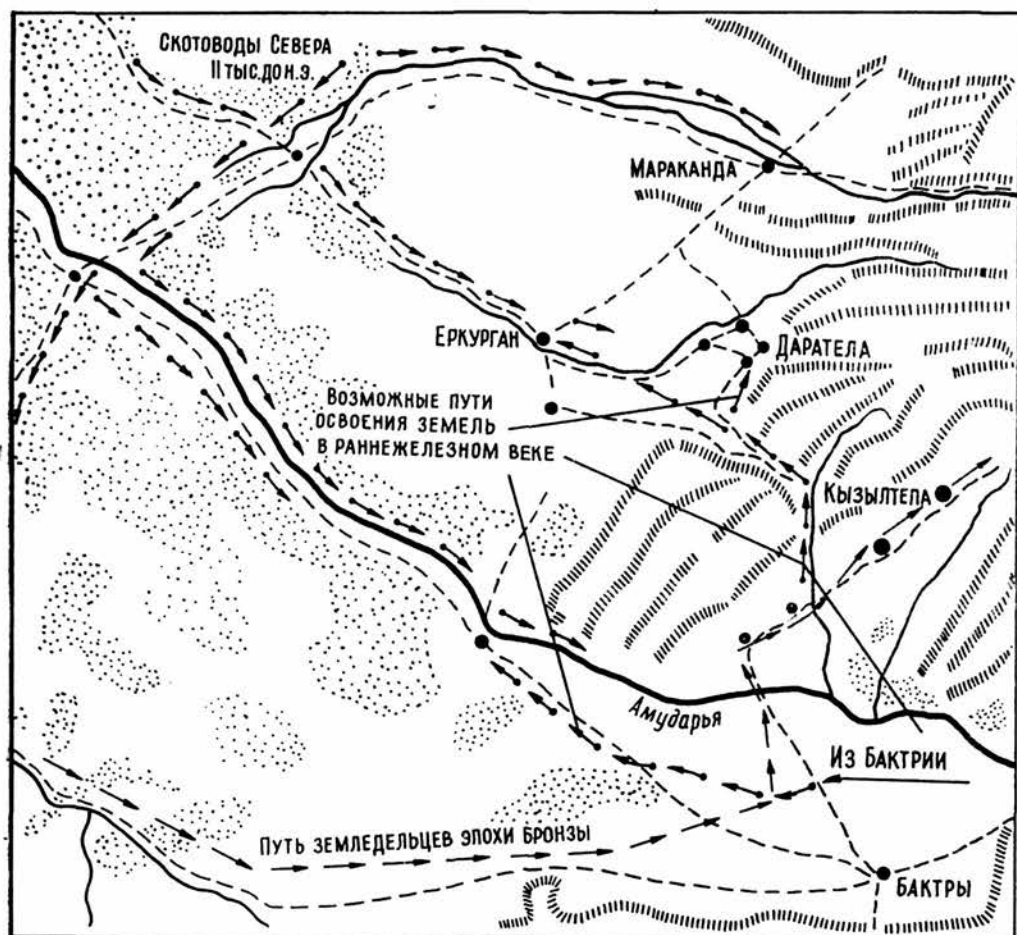

Рис. 2. Вероятные пути расселения в Южном Узбекистане в позднебронзовом и раннежелезном веке.

В конце II — начале I тыс. до н. э. на юге Средней Азии формировались новые ирригационные районы. Вместе с тем значительно сократились площади оседлых поселений в Бактрии, что свидетельствует, видимо, об уменьшении их населения, обусловленном уходом каких-то групп на другие территории, в то время как формирование оседлых поселений по среднему течению Амударьи, в бассейне Кашкадарьи, Ташкентском оазисе¹² и Ферганской долине¹³, где ранее земледелие не было известно, свидетельствует о резком расширении в данный период земледельческой ойкумены. Причем в Ферганской долине известно 70 поселений¹⁴, что в несколько раз превышает число бактрийских памятников. Это говорит об интенсивном росте земледельческого населения в Фергане. Поэтому довольно спорным является предположение о том, что племена чувстской культуры участвовали в формировании комплексов конца II — на-

¹¹ Берзина М. Я. Этнические территории, этнические границы и проблема их картографирования. — В кн.: Проблемы этнической географии и картографии. М., 1978, с. 50—51.

¹² Дукэ Х. К вопросу о Бургулюкской культуре. — «Общественные науки в Узбекистане», 1976, № 8.

¹³ Заднепровский Ю. А. Древнеземледельческая культура Ферганы. — «Материалы и исследования по археологии СССР», 118, Л., 1962.

¹⁴ Заднепровский Ю. А. Чувстская культура Ферганы и памятники раннежелезного века Средней Азии. Автореферат докт. дисс. М., 1978, с. 12.

чала I тыс. до н. э. в Южном Афганистане¹⁵ или в Бактрии¹⁶. Чустские племена, вероятно, не могли передвигаться на юг уже потому, что земледельческая общность в Фергане, скорее всего, сформировалась на основе синтеза или культурной интеграции пришлых племен — скотоводческих и земледельческих, но не исключено, что и каких-то групп местных племен.

Представляется справедливой гипотеза о том, что развитие культурных общностей конца II — начала I тыс. до н. э., ареал которых охватывает территорию от юга Туркмении до Ферганы, отражает как культурную интеграцию, проявившуюся в среде земледельческих и скотоводческих племен¹⁷, так и передвижение последних на земли, закрепленные или еще не закрепленные за ними.

Решая эту сложную проблему, очевидно, следует исключить приоритет в сложении культурных общностей того времени какого-либо единого генетического центра (Тазабагъяб или Андрон, Восточный Хорасан или Чуст и др.). Сама эпоха характеризуется мощными передвижениями племен с различным экономическим базисом, пути которых ведут в обоих направлениях с юга, севера или даже других промежуточных центров. Видимо, именно это объясняет появление значительного числа инноваций, как бы прерывающих преемственную линию развития культур ряда районов Средней Азии. Вопрос этот требует дальнейшего изучения.

Значительный интерес представляет определение вероятных путей передвижения племен и путей историко-культурных связей, которые со временем могли стать официальными дорогами сообщения и торговли. Ввиду ограниченного характера письменной информации или ее полного отсутствия, в решении исследуемой проблемы важное значение имеют археологические данные, особенно по вопросу о районировании поселений, отражающих механизмы древнего расселения, его типы, характер и специфику.

Юг Узбекистана исторически располагался на перекрестке важнейших дорог. В связи с этим особое значение приобретает проблема древнейших переправ через Амударью. В литературе прошлого века и в настоящее время основные переправы локализируются в районе от Керки до Термеза. Из последних работ обращает на себя внимание статья Э. В. Ртвеладзе, в которой древнейшие переправы через Аму указаны в 30 км к западу от Термеза, у Шуроба и Чушка Гузара¹⁸. Для аргументации своих выводов автор приводит как письменные, так и археологические источники. Именно вблизи этих переправ располагалось ранее оседлое поселение юга Узбекистана — Сапаллитепа, и, видимо, именно отсюда начинались пути освоения новых земель вдоль предгорий Кугитанга — Байсуна. Они отмечены многочисленными памятниками (рис. 2).

Поселения и дороги не могли находиться в стороне друг от друга. Районирование древнеземледельческих памятников Южного Узбекистана показывает, что после амударьинских переправ одна дорога должна была вести вдоль предгорий в верховья Сурхана и Южный Таджикистан, другая — по Шерабадарье в долину Кашкадарьи. Далее пути вели в Бухарский оазис и долину Зарафшана по среднему течению реки, через перевал Джам (рис. 1, 2).

Хроника ахеменидских надписей не дает никаких сведений о дорогах восточных сатрапий. Античные авторы называют отдельные поселения и указывают расстояния между ними по направлению движения армии Александра Македонского, которая явно шла по путям доахеменидского и ахеменидского времени. Место переправы македонцев через Амударью известно недостаточно четко. Если считать, что Александр воспользовался переправой через Шуроб, где в эпоху античности функционировало крупное поселение¹⁹, то путь эллинов в южносогдийскую область Наутаку, где они должны были пленить Бесса²⁰, пролегал через перевал Акрабад, т. е. по кратчайшему пути из Бактр в Согд.

Согласно Арриану, Бесс был пленен в небольшом укрепленном селении, которое располагалось на расстоянии десятидневного пути от Окса, якобы пройденного авангардом македонцев за четыре дня²¹. Здесь для нас интересен тот факт, что согдийская область Наутака находилась далеко от Окса, что опять-таки противоречит традиционной локализации границ Согда и Бактрии по Амударье.

Один дневной переход измерялся в древности различными величинами. Для рассматриваемого времени близки данные, приводимые Геродотом, который измеряет

¹⁵ Casa l. Fouilles de Mundigak.—MDAFA, t. XVII, Paris, 1961, p. 104 и след.

¹⁶ Аскарлов А. А., Альбаум Л. И. Поселение Кучуктепа. Ташкент, 1979, с. 74.

¹⁷ См.: Массон В. М. Каракумские древности. Вып. V. Ашхабад, 1977, с. 4; Заднепровский Ю. А. Чустская культура Ферганы..., с. 48.

¹⁸ Ртвеладзе Э. В. К локализации «греческой» переправы на Оксе.—«Вестник древней истории Узбекистана», 1977, № 4, с. 186.

¹⁹ Там же, с. 184, рис. 1.

²⁰ Арриан. Поход Александра. Пер. М. Е. Сергеевко. М.—Л., 1962, III, 30, 1.

²¹ Там же, III, 29, 7.

один переход в 150 стадий, или 5 парсангов²², что равно 28 км. Тогда десять дневных переходов составят 280 км. Маловероятно, что это расстояние авангард македонцев прошел за четыре дня. Видимо, Арриан несколько преувеличил их возможности. Принимая во внимание, что они должны были идти ускоренным маршем, максимум 50 км в день, четырехдневный путь составит 200 км. Но в любом случае область Наутака остается далеко к северу от Окса, а Согдана не начинается сразу за рекой.

Многие древние пути служили для вьючных перевозок и до недавнего времени. Н. А. Маев, описывая кратчайший путь из восточной части долины Кашкадарьи к переправам Шуроб и Чушка Гузар, отмечал, что наиболее посещаемой была Кальтаминарская дорога, которая вела из Шахрисабза через ущелье Дарвазакам по Урадарье к Акрабаду, Шерабаду и Шуробу²³. Это около 220 км, а другие дороги имели еще большую протяженность.

Теперь представим древнюю дорогу от оазисов восточной части долины Кашкадарьи эпохи раннего железа до Бактр. По Кальтаминарскому тракту ее протяженность равнялась бы 270 км. От Бактр до переправы Шуроб — 70 км, значит, далее — в предгорья Яккабагского хребта, где концентрируются древнеземледельческие поселения восточной части долины Кашкадарьи, — 200 км. Возможно, здесь мы фиксируем случайное совпадение с приведенной выше цифрой вероятного расстояния, пройденного авангардом македонцев от Окса до Наутаки. Но уже в прошлом веке ряд исследователей локализовал «согдийскую землю» Наутаку в восточной части долины Кашкадарьи — в районе Шахрисабза²⁴ или к югу от него²⁵. Однако их гипотезы не подкреплялись археологическими данными. В настоящее время ситуация изменилась. В рассматриваемом регионе уже открыты 14 поселений преахеменидского и ахеменидского времени, что может свидетельствовать о формировании здесь отдельной земледельческой области, состоявшей из нескольких ирригационных районов (рис. 1).

Несомненно, что затронутый нами вопрос требует накопления нового материала и дальнейших исследований. Тем не менее сказанное позволяет считать, что уже на рубеже II—I тыс. до н. э. кратчайшие дороги в Согд вели от переправ Шуроб и Чушка Гузар по Шерабадарье, Урадарье и Гузардарье. То были пути освоения новых земель, ставшие в ахеменидскую и античную эпохи, в рамках политических объединений, важными трассами сообщения и торговли. В средневековый период, с ростом технического прогресса, интенсивным развитием социально-экономических и общественно-политических отношений в этих районах формируются уже новые пути, использовавшиеся как для местного, так и для транзитного сообщения.

А. С. Сагдуллаев

²² Геродот. История. Пер. Г. А. Стратановского, Л., 1972, V, 53.

²³ Маев Н. А. Очерки Бухарского ханства.— Материалы для статистики Туркестанского края, вып. V, СПб., 1879, с. 272.

²⁴ Tomaschek W. Centralasiatische Studien. Wien, 1877, S. 183.

²⁵ Григорьев В. В. Поход Александра Великого в Западный Туркестан. СПб., 1881, с. 20.

ИСТОРИОГРАФИЯ

БАСМАЧЕСТВО В СРЕДНЕЙ АЗИИ: ДОМЫСЛЫ ФРАНЦУЗСКИХ СОВЕТОЛГОВ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В партийных документах последнего времени неоднократно указывается на необходимость «своевременно давать отпор идеологическим диверсиям империализма и его приспешников»¹, «вести систематическую аргументированную критику буржуазной философии, социологии, историографии...»² Актуальность этих задач, стоящих перед советскими обществоведами, все более возрастает, ибо, как указывалось на XXVI съезде КПСС, в мире происходит «заметное обострение идеологической борьбы. Для Запада она не сводится к противоборству идей. Он пускает в ход целую систему средств, рассчитанных на подрыв социалистического мира... Империалисты и их пособники систематически проводят враждебные кампании против социалистических стран. Они чернят и извращают все, что происходит в этих странах. Для них самое главное — отвратить людей от социализма»³.

Буржуазные идеологи извращают историю первого в мире социалистического государства, его опыт в строительстве социализма и коммунизма. Одним из объектов буржуазной фальсификации давно уже стала история басмачества в Средней Азии. Буржуазная историография США, Англии, Франции, ФРГ богата «исследованиями», грубо искажающими историю басмачества, а некоторые западные «специалисты» этого вопроса пытаются даже приспособить историю среднеазиатского басмачества для оправдания преступных действий нынешних афганских басмачей и их иностранных покровителей⁴.

Одним из первых на Западе опубликовал ряд работ, посвященных басмачеству, французский буржуазный историк Ж. Кастанье⁵. Разработанная им версия этого движения с теми или иными незначительными поправками и дополнениями была принята на вооружение почти всеми буржуазными советологами более позднего времени.

¹ О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы. Постановление ЦК КПСС от 26 апреля 1979 г., М., 1979, с. 9.

² Постановление ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве». — КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК. Изд. 8-е. Т. 9. М., 1972; Постановление ЦК КПСС «О 60-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции». М., 1977; Материалы ноябрьского (1978 г.) Пленума ЦК КПСС. — «Правда», 1978 г., 28 ноября.

³ «Правда», 1981 г., 24 февраля.

⁴ Так, французский советолог Э. Каррер д'Анкосс, комментируя афганские события 1979—1980 гг., недвусмысленно намекает на басмачество 20-х годов в Средней Азии, утверждая, что бандитские налеты и массовый террор, осуществляемые афганскими басмачами, являются «традиционной» для народов данного региона формой вооруженного сопротивления коммунистическим режимам, якобы навязываемым им извне. — См.: Carrère d'Encausse H. La politique extérieure de l'URSS: continuités et ruptures. — «Politique étrangère», Paris, 1980, N 2.

⁵ Ж. Кастанье долгое время жил в России, в частности в Туркестане, учительствовал, занимался археологическими исследованиями и пр. Во время Октябрьской революции и в годы гражданской войны находился в Ташкенте, а в начале 20-х годов эмигрировал во Францию, где написал серию статей и книг, полных откровенной клеветы и яростных нападок на Советскую власть и партию большевиков. Эти «труды» Кастанье буржуазные советологи до сих пор используют в качестве «достоверных источников» по истории Средней Азии соответствующего периода.

Общезвестно — и это убедительно доказали в своих исследованиях советские историки⁶ — что басмачество в Средней Азии было одной из форм сопротивления свергнутых Октябрьской революцией местных эксплуататорских классов. «Уничтожение классов, — писал В. И. Ленин, — дело долгой, трудной, упорной классовой борьбы, которая после свержения власти капитала, после разрушения буржуазного государства, после установления диктатуры пролетариата не исчезает..., а только меняет свои формы, становясь во многих отношениях еще ожесточеннее»⁷.

Классовая борьба байства, реакционного мусульманского духовенства и буржуазии против Советской власти приняла в Средней Азии форму вооруженного сопротивления басмаческих банд. VI съезд Коммунистической партии Туркестана охарактеризовал басмачество как «контрреволюционное антисоветское движение, направленное исключительно на защиту классовых и сословных привилегий мусульманского байства», движение мелкобуржуазно-анархической стихии, в котором в качестве руководящей и организующей силы выступали байство и деклассированные элементы профессионального бандитизма, наряду с белогвардейцами других наций⁸.

Большую роль в организации басмачества сыграли английские эмиссары и «дипломаты» Бейли, Эссертон, Блэккер, Маккартней, Эдвардс и другие.

Советские историки неопровержимо доказали, используя при этом и английские источники, что британский империализм отводил басмачеству, наряду с вооруженной интервенцией в Закаспии, главную роль в осуществлении своих планов свержения Советской власти в Средней Азии и превращения ее в английскую колонию. В соответствии с этими планами из соседних со Средней Азией государств басмачам постоянно направлялись караваны с английским оружием и снаряжением, оказывалась огромная помощь деньгами⁹.

Таким образом, басмачество в Средней Азии было составной частью общего наступления внешней и внутренней контрреволюции.

Однако у буржуазных советологов басмачество предстает как следствие «колониальной политики», которую якобы проводила Советская власть по отношению к коренному населению Средней Азии. Так, Ж. Кастанье нагло утверждал, что «басмачество — результат режима грабежа и насилия, установленного Советским правительством России и осуществляемого большевистским Советом Ташкента»¹⁰.

В таком же антисоветском духе выдержаны высказывания по поводу причин возникновения басмачества, содержащиеся в работах французских авторов времен «холодной войны» 40—50-х годов — Ф. де Ромэнвилля, В. Монтея и др.¹¹

Лакопичная, но в полной мере отражающая суть этих абсурдных высказываний характеристика обстоятельств, породивших басмачество, дана в книге «Советский колониализм. Пример Средней Азии»: «В течение 1918 и 1919 гг. Ташкентский Совет продолжал притеснять мусульман и изгонять их из страны»¹². Все это развилось в открытую войну между частями Красной Армии и партизанскими силами национального движения сопротивления, которое... распространилось по всему Туркестану под названием басмачества»¹³.

Нелепость подобных обвинений в адрес Коммунистической партии и Советской власти становится очевидной при первом же знакомстве с действительной историей:

⁶ См., напр.: История Узбекской ССР. Т. II. Ташкент, 1957; История Киргизии. Т. II. Фрунзе, 1956; История Туркменской ССР. Т. II. Ашхабад, 1956; История Узбекской ССР. Т. III. Ташкент, 1967; Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане. Ташкент, 1959; Коканбаев А. Борьба с басмачеством и укрепление Советской власти в Фергане. Ташкент, 1963; Шамагдиев Ш. А. Очерки истории гражданской войны в Ферганской долине. Ташкент, 1961; История гражданской войны в Узбекистане. Т. I—II. Ташкент, 1964—1970, и др.

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 38, с. 386—387.

⁸ Резолюции и постановления съездов КПТ. Ташкент, 1968, с. 143.

⁹ См. указанную литературу по истории басмачества, а также: Бабаходжаев А. Х. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке в период признания Советского государства де-факто и де-юре. Ташкент, 1957; Новоселов К. Н. Против буржуазных фальсификаторов истории Средней Азии. Ашхабад, 1962; Величие советского строя и бессилие его фальсификаторов. Ташкент, 1975; Хидоятов Г. А. Строительство социализма в Средней Азии и современный антикоммунизм. Ташкент, 1978; Зевелев А. И. Международный империализм — вдохновитель басмачества. — «Вопросы истории», 1980, № 12.

¹⁰ Castagné J. Les organisations soviétiques de la Russie Musulmane. — «Revue du monde musulman», vol. LI, Paris, 1922, Octobre, p. 36.

¹¹ De Romainville F. L'Islam et l'URSS. Paris, 1947; Monteil V. Les musulmans soviétiques. Paris, 1957; Le colonialisme soviétique. Un exemple en Asie Centrale. Etudes et documents. Paris, 1956, etc.

¹² В книге по вполне понятным причинам не указано, в чем же конкретно выражалось это «притеснение» и «изгнание» мусульман.

¹³ Le colonialisme soviétique..., p. 6.

становления Советского государства. Неслучайно в «трудах» упомянутых авторов обходятся молчанием такие основополагающие документы Советского правительства, как Обращение «К рабочим, солдатам и крестьянам!», Декларация прав народов России, Обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока». Их содержание полностью изобличает несостоятельность вымыслов французских советологов. Ведь в этих исторических актах провозглашены краеугольные принципы национальной политики Советской власти: равенство и суверенитет народов России, их право на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства, отмена всех национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений, свободное развитие национальных меньшинств, населяющих территорию России, свобода и неприкосновенность национальных верований, обычаев и культурных учреждений и т. д.¹⁴

Достаточно напомнить хотя бы тот факт, что уже весной 1918 г. V съезд Советов Туркестана, исходя из волеизъявления народов края, провозгласил образование Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республики, в состав правительства которой вошли и представители коренных национальностей Средней Азии. В декларации коммунистической фракции съезда говорилось: «Привлечение широких масс мусульманского пролетариата к участию в созидательной работе края, правильная постановка в области народного образования, здравоохранения, финансов, суда, сельского хозяйства, промышленности и труда... является ближайшей задачей Совета Народных Комиссаров и законодательного органа края»¹⁵.

Как видим, нет никаких оснований обвинять большевиков в каком-либо «притеснении» народов Туркестана, «насилии» над ними и т. п.

Все это не могло остаться незамеченным для французских советологов 60—70-х годов, представителей нового, буржуазно-либерального направления во французском советоведении, претендующих на максимальную «объективность». Современные французские советологи, признавая, что до середины 50-х годов изучение советского общества и его история не носило на Западе научного характера, настаивают на том, что в последующие годы во французском советоведении произошли «фундаментальные изменения»¹⁶. Справедливости ради отметим, что нынешние французские советологи, в отличие от своих предшественников, достаточно хорошо ориентируются в советской историографии. Однако это не мешает им в вопросе о басмачестве, как и во многих других вопросах истории нашей страны, без особых изменений повторять старые, избитые версии буржуазных историков прежних поколений.

Так, Ж. Рислер писал о причинах басмачества: «Экспессы пролетарской диктатуры в Туркестане быстро привели к местным восстаниям»¹⁷.

Такие же клеветнические утверждения по этому вопросу содержатся в работах А. Беннигсена и Ш. Лемерсье-Келькежэ. «В Туркестане центральное большевистское правительство утвердилось жесточайшим образом», — заявляют они¹⁸ (напомним, что к началу 1918 г. Советская власть была установлена почти на всей территории Туркестанского края, и везде переход к новой власти осуществляется мирным путем, при активной поддержке трудящихся местных национальностей¹⁹). И далее: «...Колониальское поведение Ташкентского Совета вызвало народное восстание — движение басмачей»²⁰. Развивая свои домыслы, А. Беннигсен пишет, что «разрыв с мусульманами» был якобы санкционирован Петроградом в январе 1918 г. и осуществлен местными большевиками «с предельной энергией и жестокостью»²¹ (речь идет о крахе «Кокандской автономии». — А. А.). Таким образом, утверждает Беннигсен, «ложность большевистского интернационализма... стала очевидной»²². Ложными, однако, являются не идеи большевистского интернационализма, а клеветнические утверждения Беннигсена и ему подобных.

Особенно нелепыми выглядят голословные декларации французских советологов, если вспомнить огромное напряжение сил Советского правительства и туркестанских большевиков, направленное на борьбу с голодом, охватившим население края в 1918—1919 гг.

¹⁴ См.: Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 35, с. 11; Советское содружество народов. Сборник документов. 1917—1922. М., 1972, с. 12—17.

¹⁵ Советское содружество народов, с. 32.

¹⁶ Magso L. L'Union Soviétique. Paris, 1971, p. 24. (Предисловие Э. Каррер д'Анкокс).

¹⁷ Risler J. L'Islam moderne. Paris, 1963, p. 120.

¹⁸ Bennigsen A. and Lemercier-Quelquejau Ch. Islam in the Soviet Union. London, 1967, p. 98.

¹⁹ История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967, с. 97—98.

²⁰ Bennigsen A. and Lemercier-Quelquejau Ch. Op. cit., p. 98.

²¹ Bennigsen A. The bolshevik Conquest of the Moslem Bordelands. — The Anatomy of the Communist Takeovers. New Haven and London, 1975, p. 65.

²² Bennigsen A. and Wimboush S. E. Muslim National Communism in the Soviet Union. Chicago and London, 1979, p. 13, 14.

С середины ноября 1917 г., когда войска атамана Дутова захватили Оренбург и прямое сообщение с центральными районами РСФСР было прервано, длившийся уже в течение нескольких месяцев в Туркестане продовольственный кризис стал перерастать в голод. 17 января 1918 г. СНК Туркестанского края телеграфировал В. И. Ленину: «В Туркестане наступил голод со всеми ужасными последствиями... Необходимы самые решительные меры»²³. И они были приняты. По указанию В. И. Ленина и в соответствии с решением СНК РСФСР с Кавказа, из Сибири, Поволжья и других районов в Туркестан было направлено огромное количество хлеба и других продуктов, несмотря на чрезвычайно тяжелые условия в центральных районах России.

В 1919 г., когда голод с новой силой охватил Туркестан, правительство Советской России вновь приняло постановление о снабжении края продовольственными и промышленными товарами²⁴. Огромные усилия прилагали в борьбе с голодом и большевики Туркестана. При местных Советах были организованы продовольственные отделы и комиссии по заготовке и распределению продовольствия, проведены реквизиции продуктов питания у спекулянтов и богатеев. Осенью 1918 г. была создана Центральная комиссия по борьбе с голодом во главе с Т. Рыскуловым. На местах организовывались чрезвычайные комиссии, в которые вовлекались представители местного населения. Для голодающих открывались столовые, питательные пункты, полевые кухни. Из скудных ресурсов Туркестанской республики было выделено 40 млн. руб. в помощь голодающим²⁵.

Таким образом, ни о каком «колониаторстве» большевиков не может быть и речи. Братская помощь русского пролетариата, возглавляемого Коммунистической партией, стала красноречивым проявлением большевистского интернационализма и способствовала укреплению союза трудящихся Туркестана с русским пролетариатом. На фоне этих реальных исторических фактов домыслы Беннигсена и других советологов выглядят жалкими потугами.

Несколько иначе подходит к решению вопроса о природе басмачества Э. Каррер д'Анкос, которая считает, что оно «родилось за несколько лет до революции в Фергане и представляло собой крестьянское движение протеста против лишений и переселенческой политики царизма, но тогда оно полностью не развернулось». «По прошествии времени... — пишет далее Каррер д'Анкос, — движение приняло отчетливый антирусский характер. После падения кокандского правительства многие мусульманские лидеры, спасаясь от репрессий Красной Армии, присоединились к крестьянам, придав их борьбе националистическое и религиозное значение»²⁶.

Эта версия Э. Каррер д'Анкос, на первый взгляд, не совпадает с версией других французских советологов, но, по сути дела, они идентичны. Ведь в качестве причины басмачества опять объявляется направленная якобы против интересов народов Туркестана политика Советской власти.

Итак, французские буржуазные историки и старого, и нового поколений, втискивая историю басмачества в прокрустово ложе своих умозрительных схем, идут на явную фальсификацию действительных причин возникновения этого движения.

Аналогичным образом фальсифицированы в их «исследованиях» социальный состав басмачества, его характер.

Для французской буржуазной историографии является типичным изображение басмаческого движения «всенародным повсеместным восстанием»²⁷. Басмачи при этом выступают эдакими «народными мстителями», сражающимися за «национальную свободу мусульман» и пользующимися «повсеместной поддержкой». Ж. Кастанье писал: «...Курбаши, борясь с большевиками, в которых местное население видело своих врагов, приобрели репутацию народных героев, сражающихся за процветание туземных масс, за их безопасность и блага, за их семьи, права и, наконец, за обещанную автономию»²⁸.

В то же время под давлением реальных исторических фактов буржуазные авторы вынуждены признавать, что «басмачи... оставались ослабленными вследствие их

²³ Лукин Б. В. В. И. Ленин и народы Средней Азии. Ташкент, 1967, с. 65.

²⁴ Более подробные сведения о помощи Советской России голодающему Туркестану в 1918—1919 гг. содержатся в книгах: Аграрная политика Советской власти (1917—1919). Документы и материалы, М., 1954; с. 154—157; История Узбекской ССР. Т. 2. Ташкент, 1957, с. 96; История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967, с. 137, 178 и др.

²⁵ Хидояттов Г. А. Указ. соч., с. 136.

²⁶ Carré d'Encausse H. Civil War and New Governments.—Central Asia. A Century of Russian Rule. New York and London, 1967, p. 250.

²⁷ Monteil V. Les musulmans soviétiques, p. 33; Bennigsen A. and Wimboush S. E. Muslim National Communism, p. 26.

²⁸ Castagné J. Les basmatshis. Paris, 1925, p. 18—19.

внутренней розни. Движение представляло собой когломерат разделенных и зачастую соперничающих отрядов»²⁹; «басмаческие шайки даже уничтожали друг друга»³⁰.

Французские советологи, таким образом, опровергают свои же оценки басмачества как движения, якобы отражавшего интересы народных масс и пользовавшегося их поддержкой. Ведь если басмачество было «конгломератом соперничающих отрядов», то это означает, что у басмачей не существовало идейно-политической платформы, которая смогла бы привлечь широкие слои населения и на базе которой басмаческие шайки слились бы в единое массовое движение. Напротив, все усилия английских агентов, белогвардейцев, авантюристов типа Энвер-паши объединить басмачей под общим руководством, согласовать их действия закономерно окончились полным провалом.

Однако все это ничуть не смущает буржуазных историков. Более того, современные французские советологи, стремясь приукрасить басмачество, «забывают» некоторые объективные факты, уже всплывшие ранее наружу во французской буржуазной историографии и показывающие басмачей в их действительном облике.

В частности, если Ж. Кастанье когда-то довольно подробно поведал о тесных связях и контактах английских эмиссаров с басмачами³¹, то в работах современных французских авторов, как правило, об этом не говорится ни слова, хотя факт значительной помощи басмачеству со стороны английских империалистов признан самими организаторами контрреволюции в Средней Азии (например, белогвардейским полковником Зайцевым³², одним из лидеров буржуазных националистов М. Чокаевым³³).

Обходится молчанием и другое очень важное для характеристики басмачества обстоятельство, нашедшее ранее отражение во французской буржуазной историографии. Речь идет о том, что ядро басмаческих шайек составляли уголовный сброд, деклассированные элементы и прочие отбросы общества. Ж. Кастанье, например, не скрывал, что «банды басмачей были поначалу сборщиками уголовников, выпущенных на свободу амнистией Временного правительства и занимавшихся грабежом и разбоем»; «Кокандское правительство под угрозой большевиков пригласило на службу басмачей и образовало из них национальную армию»; во главе этой армии стоял «Иргач — бандит с большой дороги»³⁴.

В. Монтей также признавал, что «ядро басмачества сложилось до Октябрьской революции и представляло собой несколько бандитских шайек, пополнившихся после амнистии Временного правительства новыми рецидивистами»³⁵.

Понимая, что подобные признания отнюдь не делают их версии басмачества более логичными, и Кастанье, и Монтей спешили пояснить, что после того, как басмачество поступило на службу к кокандским «автономистам», оно якобы тут же трансформировалось в национально-освободительное движение. Басмачи, по словам Кастанье, превратились в «народных героев», ведущих джихад против большевиков, а «местное население, забыв их прежние грехи, воспринимало их как освободителей»³⁶.

Таким образом, «банды Хамдама, Исламкула, Мадаминбека, Халходжи и др., состоявшие из профессиональных воров»³⁷, стали «армией, сражающейся за народное благо».

Абсурдность такой метаморфозы очевидна. Именно поэтому современные французские советологи, чтобы не нарушать мнимой последовательности своих версий о басмачестве, решили просто-напросто не уточнять, кто составлял его основу.

Не приводятся, как правило, и данные об общей численности басмачей в Средней Азии. А если в отдельных случаях французские буржуазные авторы и решаются упомянуть близкие к действительности цифры, то последние свидетельствуют отнюдь не в пользу «всенародности» басмаческого движения³⁸.

Таким образом, французская буржуазная историография в целом едина в своих

²⁹ Carrère d'Encausse H. Civil War..., p. 251.

³⁰ Monteil V. Op. cit., p. 31.

³¹ Castagné J. Les basmatchis.

³² Зайцев И. Из недавно пережитого. — «Соловецкие острова», 1926, № 4, с. 62—68.

³³ Chokayev M. The Basmachi Movement in Turkestan. — «The Asiatic Review», London, vol. XXIV, 1928. Лишь в одной из своих многочисленных статей Э. Каррер д'Анкосс вскользь замечает, что басмачество связывало свои надежды на успех исключительно с поддержкой иностранных государств и даже с иностранной интервенцией. — См.: Carrère d'Encausse H. De quelques aspects de la cohabitation des Russes et des Musulmans en URSS. — «Revue française de science politique», 1963, N 1, p. 127.

³⁴ Castagné J. Les basmatchis, p. 12, 14.

³⁵ Monteil V. Op. cit., p. 31.

³⁶ Castagné J. Op. cit., p. 15.

³⁷ Там же, с. 14.

³⁸ Например, В. Монтей указывал, что число басмачей в 1920—1922 гг. составляло 16 тыс. См.: Monteil V. Op. cit., p. 31.

оценках басмачества, причин его возникновения и социальной базы. Вполне естественно поэтому, что все работы французских авторов объединяет еще одна характерная черта: отсутствие мало-мальски убедительных фактов, подтверждающих их версии, ссылок на какие-либо исторические документы, свидетельствующие о правомерности их утверждений. Последнее объясняется очень просто: обращение к фактам, документам того времени воссоздало бы реальную картину, не имеющую ничего общего с той, что нарисовали французские буржуазные авторы.

Ни о какой «популярности» басмачей и «симпатии» к ним мусульманских трудящихся не может быть и речи, ибо с самого начала басмачество выступало как злейший враг трудящихся. Помимо политических акций, басмаческие банды совершали налеты на мирные кишлаки и даже города, грабили местное население и зверски расправлялись с ним, сжигали дома, разоряли поля и сады, разрушали ирригационную сеть, приводили в запустение обширные районы. Эти факты отражены в бесчисленных документах, свидетельствах очевидцев и т. п. и даже в устном народном творчестве, а многие местные старожилы и сейчас могут поделиться своими воспоминаниями о зверствах басмачей.

Необходимо отметить, что организаторам басмачества на первых порах все же удавалось с помощью обмана, шантажа, угроз и т. п. привлечь в свои ряды ничтожную часть забитого, неграмотного трудового дехканства. Этому послужил целый ряд объективных и субъективных причин: большие трудности в проведении аграрной реформы в условиях гражданской войны и иностранной интервенции; голод 1918—1919 гг.; безработица среди батраков и сезонных сельскохозяйственных рабочих³⁹; неведение определенной части местных трудящихся, не сразу высвободившихся из-под влияния мулл и баев; дискредитация Советской власти в некоторых местах Туркестана классово чуждыми элементами и авантюристами, примазавшимися к новой власти в период ее организационного становления; перегибы отдельных руководителей в борьбе с религией и т. д. Причины эти были вскрыты в свое время партией большевиков, приложившей все усилия к их устранению. В достаточной мере написано об этом и в трудах советских историков.

Но несмотря на все указанные трудности, вера широких масс местных трудящихся в Советскую власть осталась прочной, а глубоко антинародным по своей природе замыслам басмаческих главарей так и не суждено было осуществиться.

Даже в период наибольшего разгула басмачества число басмачей в Ферганской области, сильнее других охваченной басмачеством, не превышало 10 тыс.⁴⁰ Народные массы не поддержали басмачей, а, наоборот, активно выступили против них. «Молва о том, что благородное местное население содержало басмаческие шайки на свои средства, оказалась чистойшей низкопробной ложью», — разочарованно писал не кто иной, как полковник Зайцев⁴¹.

Антинародная сущность басмачества отгородила от него широкие массы коренного населения Средней Азии глухой стеной осуждения и ненависти. И вряд ли басмачество развилось бы в сколько-нибудь значительных масштабах, если бы не помощь иностранных империалистов, если бы не английская интервенция в Закаспии, оттянувшая на себя основные силы Туркестанской республики. Этот факт открыто признавали сами организаторы басмачества. Так, М. Чокаев писал: «Первая вещь, которую усвоили лидеры басмачей, было убеждение, что невозможно освободить страну от Советской власти их собственными силами. Отсюда попытка обратиться за помощью к Англии»⁴². Другой помощи басмачам ждать было неоткуда, ибо трудящиеся массы коренных национальностей повсеместно оказывали поддержку Советской власти, проявляли готовность защищать ее с оружием в руках.

«Мы, представители мусульманского пролетариата, — писали, например, в ТуркЦИК трудящиеся старгородской части Самарканда, — представители 52 тыс. членов профсоюзов, присоединяемся к Коммунистической партии, все, как один человек, сохраним верность Советской власти»⁴³.

Население старгородской части Андижана на общем собрании постановило: «1. Защищать Советскую власть, для чего вступить в Красную Армию. 2. Исключить из своей среды всех контрреволюционеров, опозоривших себя какими-либо поступками против Советской власти»⁴⁴.

Тысячи рабочих и дехкан, представителей местных национальностей, изъявили

³⁹ Последние два обстоятельства отмечал и Ж. Кастанье. Он, в частности, писал, что «басмаческие банды состояли из профессиональных воров, а также крестьян, которых голод и экономическая разруха в стране толкнули в ряды басмачей...» См.: Castagné J. Les basmatchis, p. 14.

⁴⁰ Шамагдиев Ш. А. Указ. соч., с. 89.

⁴¹ Зайцев И. Из недавно пережитого. — «Соловецкие острова», 1926, № 5—6. с. 36.

⁴² Цит. по кн.: Хидояттов Г. А. Правда против лжи. Ташкент, 1964, с. 122.

⁴³ «Голос Самарканда», 1918 г., 7 сентября.

⁴⁴ История гражданской войны в Узбекистане. Т. I. Ташкент, 1964, с. 189.

желание служить в Красной Армии. «Желаем вступить в ряды Красной гвардии», — писала в середине 1918 г. группа рабочих-узбеков нефтепромыслов «Чимнон». А дехкане одного из районов Ферганской области заявили местному Совету: «В нашем кишлаке есть вооруженные басмачи. Для борьбы с ними просим зачислить нас в ряды Красной гвардии»⁴⁵.

Летом и осенью 1918 г. по всему Туркестану началось формирование добровольческих национальных воинских частей и подразделений⁴⁶. 3 июля 1919 г. военный комиссар Ферганской области телеграфировал Реввоенсовету Туркестанской республики: «Прошу разрешения мне сформировать отдельную мусульманскую роту, ввиду наплыва массы желающих. По формировании, обучении просят направить на фронт»⁴⁷.

Всего в Фергане в 1920 г. в рядах Красной гвардии, добровольной милиции, в частях особого назначения, чрезвычайной комиссии, в отрядах самообороны и т. д. было около 15 тыс. трудящихся местных национальностей. В боях с басмаческими бандами в Фергане особо отличился национальный отряд, созданный заместителем председателя Джой-Базарского сельсовета Скобелевского уезда Юлдашем Ахунбаевым⁴⁸.

Член Турккомиссии Я. К. Петерс писал в ЦК РКП(б): «Если кто-нибудь говорит, что население Ферганской области имеет хоть малейшую симпатию к басмачам, то это глупейшая ложь». Об этом же свидетельствовал уполномоченный РВС Туркфронта Брегадзе: «...Население в сущности ненавидит басмачей, которые грабят его». Он также подчеркивал, что «население при первой возможности выдает басмачей Красной Армии или само их уничтожает»⁴⁹.

В вооруженную борьбу против басмачества вступали целые селения. Например, дехкане кишлака Кува Скобелевского уезда в феврале 1920 г. своими силами уничтожили басмаческий отряд. Местное население изгнало басмачей и из кишлака Шафрикан⁵⁰.

Таких фактов можно привести очень много. Они убедительно свидетельствуют о полной несостоятельности домыслов французских и прочих буржуазных советологов, которые тщетно пытаются фальсифицировать историю народов Советской Средней Азии.

А. Ч. Абуталипов

⁴⁵ Якубов Б. Победа Великой Октябрьской революции в Ферганской области. Канд. дисс. Андижан, 1949, с. 158.

⁴⁶ История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967, с. 190.

⁴⁷ Поляков Ю. А., Чугунов А. И. Конец басмачества. М., 1976, с. 38.

⁴⁸ Там же, с. 37, 49.

⁴⁹ Зевелев А. И. Из истории гражданской войны в Узбекистане, с. 114—115.

⁵⁰ История Узбекской ССР. Т. 3. Ташкент, 1967, с. 215.

НОВЫЕ КНИГИ

**Э. А. АЛИКУЛОВ, ОСНОВНОЕ ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ ОТНОШЕНИЕ
И ОСНОВНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ЗАКОН СОЦИАЛИЗМА****(Ташкент, «Фан» УзССР, 1980, 195 с.)**

Политико-экономический анализ проблем основного производственного отношения и основного экономического закона социализма имеет большое теоретическое и практическое значение. Поэтому каждое новое исследование этих проблем встречается с большим интересом. К числу таких работ относится и книга Э. А. Аликулова.

В первой главе подробно проанализировано исходное и основное производственное отношение социализма (коммунизма). Изучение этой комплексной проблемы проводится в логической последовательности, с широким привлечением произведений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина, важнейших партийных документов, наиболее значительных работ советских экономистов.

Глава носит полемический характер. Опираясь на научно обоснованные методологические предпосылки анализа исходного и основного отношений, Э. Аликулов доказывает спорность выдвинутых отдельными экономистами положений, согласно которым исходное и основное отношения трактуются как нетождественные категории, имеющие самостоятельную экономическую сущность. В качестве исходного экономического отношения социализма выдвигались совокупный общественный продукт, социалистический продукт, непосредственно общественный продукт, отношения коллективности, планомерность и т. д. А в качестве основного производственного отношения — товарищеское сотрудничество и взаимопомощь, социалистическая направленность общественного производства и др.

Сравнение и детальный анализ этих точек зрения с позиций классиков марксизма-ленинизма позволили автору сделать и обосновать правильный, на наш взгляд, вывод: «Превращение основных средств производства в общественную собственность всего трудящегося народа является не только исходным (первичным), но и основным (самым фундаментальным и определяющим) экономическим отношением коммунистической формации» (с. 52).

Во второй главе, посвященной социалистическому способу привлечения к труду, характеру труда и цели социалистического производства, цель социалистического производства рассматривается не только в общепринятой традиционной форме — обеспечение благосостояния и всестороннего развития общества, но и в субординированной системе целей общества, производственного коллектива, каждого труженика социалистического общества.

Методологически правильным, с нашей точки зрения, является подход Э. Аликулова к выяснению природы материально-вещественной основы и социально-экономического содержания относительной экономической обособленности социалистических предприятий, а в них — производственных коллективов и каждого их члена.

Далее автор проводит четкую, заслуживающую внимания грань между относительной экономической обособленностью производственных коллективов и их хозяйственно-оперативной самостоятельностью, которая заключается в том, что производственные коллективы самостоятельно решают многие внутренние организационно-производственные и технико-экономические вопросы.

Вместе с тем показаны тесная взаимосвязь и взаимообусловленность целей всего общественного производства, производственной деятельности коллектива и трудовой деятельности каждого работника.

Довольно убедительны, на наш взгляд, анализ и выводы, сделанные в работе относительно вещной формы целей социалистического производства. Не стоимость, а потребительная стоимость, «создание средств производства и предметов потребления», пишет автор, является целью социалистического производства (с. 80).

Исследование непосредственно общественного характера продукта социалистического производства приводит автора к выводу о том, что характер этот предопределен как основным экономическим отношением, так и непосредственно общественным ха-

рактором производства и присвоения его результатов, кооперацией труда в масштабе всего социалистического хозяйства.

В третьей главе исследуется основной экономический закон социализма (коммунизма). При этом качественная и количественная определенности закона, его действие рассматриваются в неразрывной связи с основным отношением социалистического производства.

Автор аргументированно, со ссылкой на классиков марксизма-ленинизма, критикует широко распространенное определение основного экономического закона и дает свое определение — «закон производства непосредственно общественного продукта для народного благосостояния» (с. 116). Эта новая, оригинальная трактовка представляет определенный научный интерес и заслуживает внимания.

Элементы научной новизны содержит и характеристика количественной стороны основного экономического закона социализма. Автор видит ее, в противоположность имеющимся многочисленным концепциям, «в производстве максимума (наибольшего количества) непосредственно-общественного и общественно необходимого продукта в целом» (с. 131). Такой подход наиболее точно ограждает и качественную определенность закона. Предложенная характеристика его количественной стороны имеет большое теоретическое и практическое значение, ибо акцентирует внимание на создании максимума общественно необходимых продуктов, а не на степени удовлетворения потребностей, что, естественно, служит преодолению потребительского подхода к основному экономическому закону социализма.

На большом фактическом материале раскрываются особенности проявления основного закона в условиях развитого социализма.

В четвертой главе дается анализ материально-вещественной основы жизни и природы услуг в социалистическом обществе. При этом также высказан ряд оригинальных теоретических положений, имеющих практически важное значение.

Книга не лишена и отдельных недостатков. Первая глава несколько перегружена ссылками на классиков марксизма-ленинизма и работы советских экономистов, встречаются отдельные повторы и т. д.

Но в общем автор вполне успешно справился с поставленными перед собой задачами и сделал определенный шаг вперед в трактовке основного производственного отношения и основного экономического закона социализма.

Н. К. Созыкич

Ш. УРАЗАЕВ. СОВЕТСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

(Ташкент, «Узбекистан», 1980, 175 с.)

За последние 10—15 лет издано немало монографий и коллективных работ, посвященных политической системе советского общества. Новый стимул для разработки этой проблемы дала Конституция СССР 1977 г. В свете ее положений и написана работа Ш. Уразаева «Советская политическая система».

Во введении кратко, но четко определено понятие советской политической системы. Три последующих раздела посвящены таким вопросам, как КПСС — ядро советской политической системы; общенародное государство — главная и решающая сила в советской политической системе; общественные организации и общества трудящихся в советской политической системе. Анализ их дается с выдвинутым рядом новых теоретических и практических решений, с широким использованием оригинального, большей частью местного материала. В четвертом разделе в соответствии с положениями Конституции СССР 1977 г. поставлен вопрос о трудовом коллективе как первичной ячейке советской политической системы, а в заключительном — «Развитие конституционных основ общественной и государственной жизни социалистической демократии» — суммируются общие итоги исследования.

На наш взгляд, в работе такого теоретического уровня следовало больше внимания уделить вопросу о понятии политической системы вообще, политической системы советского социалистического общества — в особенности. Анализ его целесообразно было посвятить самостоятельный раздел. При этом полезно было бы охарактеризовать и определения советских авторов, придерживающихся по данному вопросу несколько иных точек зрения (например, концепцию «широкого» и «узкого» понимания политической системы общества и т. д.).

История развития конституционных основ социалистической демократии, олицетворением которой и служит политическая система социализма, недостаточно тесно увязана с процессами становления и развития самой социалистической политической системы. Мы бы высказались также за большую полемическую насыщенность текста: проблематика новая, динамичная, постоянно развивающаяся, и в ней далеко не все еще устоялось, получило значение общепризнанного.

В целом же работа Ш. З. Уразаева заслуживает высокой оценки и остается лишь сожалеть, что она издана только на русском языке и столь ограниченным тиражом.

З. М. Исламов

САИД ШЕРМУХАМЕДОВ. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(Ташкент, «Узбекистан», 1980, 272 с.)

Вышло в свет новое исследование доктора филос. наук, проф. С. Шермухамедова, посвященное анализу актуальных теоретических и практических проблем развития социалистической культуры в условиях зрелого социализма.

Полемизируя с советскими и зарубежными философами, автор дает, на наш взгляд, достаточно полное определение понятия культуры: «Культура — это исторически обусловленная совокупность созданных народными массами материальных и духовных ценностей, которая не только выражает уровень духовного и физического развития людей, но и оказывает на них весьма существенное влияние» (с. 16).

В работе глубоко раскрываются истоки, пути и методы формирования новой, социалистической культуры и ее международное значение, особенно для народов развивающихся стран, встающих на путь строительства нового общества.

В книге дан обстоятельный анализ процесса взаимодействия национальных культур народов СССР, сыгравшего огромную роль в становлении и развитии социалистической культуры. Подробно прослеживается закономерный процесс формирования культур социалистических наций СССР. Столь же подробно рассматривается диалектика национального и интернационального в социалистической культуре в условиях развитого социализма. На основе обобщения богатейшего опыта, накопленного народами СССР в ходе формирования и развития социалистической культуры, автор дает практические рекомендации, направленные на дальнейшее совершенствование и развитие социалистической культуры, общих коммунистических черт, усиления ее интернациональных основ. Дана аргументированная критика взглядов буржуазных фальсификаторов, извращающих процесс развития национальных культур народов СССР.

Весьма обстоятельно освещены глубокие культурные преобразования, происшедшие в Советском Узбекистане за годы социалистического строительства. Раскрыта решающая роль КПСС, ее ленинской национальной политики, огромный вклад других народов СССР, в первую очередь русского, в развитие социалистической культуры узбекского народа.

Вместе с тем представляется, что следовало более четко раскрыть, в чем именно проявляются особенности интернационализации духовной культуры в условиях развитого социализма по сравнению с предыдущими этапами. Это позволило бы читателю глубже проследить диалектику интернационализации духовной культуры.

Желательно было усилить критику буржуазных фальсификаций сущности культурной революции в СССР, в частности в республиках Средней Азии.

В тексте имеются отдельные повторы и некоторые иные недочеты.

Но в целом книга С. Шермухамедова заслуживает, безусловно, высокой оценки как новый полезный вклад в разработку многогранной проблемы социалистической культуры. Учитывая большое научное и практическое значение ее, желательно было бы издать эту работу на узбекском языке.

*Ж. Туленов, Э. Юнусов,
З. Гафуров, С. Утанов*

Ш. Ш. ШАРАХМЕТОВ. ГРАЖДАНСКОЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОЕ ПРАВО УЗБЕКСКОЙ ССР

(Ташкент, «Укитувчи», 1980, 367 с.)

Издательство «Укитувчи» выпустило в свет учебник по гражданскому процессуальному праву на узбекском языке. Он рекомендован для студентов юридических факультетов, но окажется полезным и для работников органов суда, прокуратуры и других правоохранительных и правоприменительных органов.

Книга состоит из 33 глав. В соответствии с учебной программой для высших юридических учебных заведений в ней дается развернутое понятие советского гражданского процессуального права, его системы, источников и принципов, раскрываются сущность и содержание гражданских процессуальных правоотношений, характеризуются субъекты, их гражданская процессуальная правоспособность и дееспособность, подробно изложены основания и формы участия прокурора в гражданском процессе; основания и цели участия в процессе органов государственного управления, проф-

союзов, учреждений, предприятий, организаций и отдельных граждан, защищающих права других лиц; участия в судопроизводстве представителей общественных организаций и трудовых коллективов, их права и обязанности в процессе, указаны органы, обязанные защищать субъективные права и интересы граждан и организаций; показана подведомственность и подсудность споров, возникающих из гражданских, трудовых, брачно-семейных, колхозных и земельных, авторских и изобретательских правоотношений.

Характеризуя гражданское судопроизводство в первой инстанции, автор довольно подробно освещает вопросы искового производства, судебного доказывания, учения о доказательствах, в частности вопросы об относимости и допустимости доказательств, оценке доказательств, о средствах доказывания, судебном обеспечении доказательств до и после предъявления иска. Автор умело показал важность подготовки дела к судебному разбирательству для обеспечения своевременного и правильного разрешения гражданского дела и значение самого судебного разбирательства как основной и главной стадии гражданского процесса.

В главах 19—23 в пределах учебной программы освещаются вопросы о процессуальных особенностях рассмотрения дел о расторжении брака, взыскании алиментов, об установлении отцовства, а также трудовых дел и дел, возникающих из административно-правовых отношений. В главе об особом производстве (гл. 24) показано, как эго институт гражданского процессуального права служит целям защиты субъективных прав и охраняемых законом интересов и как в порядке особого производства устанавливаются факты, имеющие юридическое значение.

Главы 25—27 посвящены вопросам обжалования и проверки судебных решений и определений, не вступивших в законную силу, пересмотра в порядке судебного надзора вступивших в законную силу решений, определений и постановлений. Вопросы исполнения судебных и иных постановлений посвящена глава 28.

В учебнике освещены и иные формы защиты гражданских прав и охраняемых законом интересов (арбитражный процесс, рассмотрение гражданских дел в третейских и товарищеских судах). Книга завершается изложением вопросов Государственного нотариата в Узбекской ССР.

Главное достоинство учебника — цельное и обобщенное изложение сложного курса гражданского процессуального права на базе законодательства Узбекской ССР. Такой учебник создан в нашей республике впервые и само его появление — свидетельство высокого уровня развития процессуальной правовой мысли в Узбекистане.

К сожалению, в учебнике не дается сравнительный анализ норм гражданских процессуальных кодексов союзных республик, что позволило бы глубже изучить закон, выявить имеющиеся в нем пробелы. Отсутствует характеристика гражданского процессуального законодательства зарубежных социалистических стран. Не освещена, хотя бы кратко, история гражданского процессуального законодательства Узбекистана. На наш взгляд, недостаточно использована судебная, прокурорская, арбитражная и нотариальная практика.

Тем не менее следует признать, что с выходом этого учебника гражданско-процессуальная наука в республике обогатилась новым фундаментальным трудом, представляющим бесспорный интерес для юридической общественности не только Узбекистана, но и других среднеазиатских республик.

Х.-А. Р. Рахманкулов, Г. П. Саркисянц, И. Б. Стерник

**ИСТОРИЯ СССР С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО НАШИХ ДНЕЙ.
СЕРИЯ ВТОРАЯ. ТОМ XI. СОВЕТСКИЙ СОЮЗ НА ПУТИ К РАЗВИТОМУ
СОЦИАЛИЗМУ. 1945—1961 гг.**

(М., «Наука», 1980, 653 с.)

Вышел в свет очередной, XI том двенадцатитомной «Истории СССР с древнейших времен до наших дней», посвященный послевоенному восстановлению страны и созданию предпосылок для перехода к развитому социалистическому обществу.

Книга делится на две части. Первая — «СССР в период восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, 1945—1950 гг.» — начинается с обзора международного положения и внешней политики СССР, раскрывающего роль Советского Союза в формировании мирового социалистического лагеря, в борьбе за мир, демократию и прогресс. Далее излагаются вопросы перестройки жизни страны на мирный лад, руководящей роли в этом процессе Коммунистической партии, деятельности советских, комсомольских и профсоюзных органов. Авторы широко освещают ход возрождения промышленности, транспорта, сельского хозяйства, достижения культуры в годы четвертой пятилетки, показывают трудовой энтузиазм советского народа, мощный

размах социалистического соревнования, сдвиги в отраслевой и территориальной структуре народного хозяйства, подготовка кадров. Отдельная глава рассказывает о переходе к социализму молодых советских республик — Литвы, Латвии, Эстонии, Молдавии, а также новых областей УССР, БССР и РСФСР.

Во второй части — «Развитие социалистического общества в 50-х годах» — характеризуется деятельность Советского государства в борьбе за укрепление мировой социалистической системы, ослабление международной напряженности и мирное сосуществование с капиталистическими странами; раскрыт широкий круг вопросов развития страны в годы пятой и шестой пятилеток. Большое внимание уделяется совершенствованию политической системы СССР, дальнейшему возрастанию роли партии, укреплению и развитию ленинских норм партийной и государственной жизни. Ряд глав знакомит читателя с подъемом промышленности и сельского хозяйства, ростом материального благосостояния трудящихся, успехами советской науки и культуры.

Заключительная глава подводит основные итоги развития СССР к началу 60-х годов, дает анализ главных направлений и закономерностей укрепления материально-технической базы социализма в исследуемый период, совершенствования социально-экономической структуры советского общества, расцвета социалистических наций.

Книга богато иллюстрирована и снабжена библиографией.

Р. Рабич

ХРОНИКА

**ОЧЕРЕДНАЯ ВЫЕЗДНАЯ СЕССИЯ ПО КООРДИНАЦИИ НАУЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АКАДЕМИЙ НАУК СОЮЗНЫХ РЕСПУБЛИК**

12—15 мая 1981 г. в Ташкенте работала очередная, XXXVIII выездная сессия по координации научной деятельности академий наук союзных республик с участием видных ученых страны во главе с президентом АН СССР, трижды Героем Социалистического Труда, акад. А. П. Александровым.

В работе сессии приняли участие ответственные работники ЦК КПСС, Совета Министров СССР, аппарата Президиума АН СССР, президенты, вице-президенты, главные ученые секретари академий наук союзных республик, председатели и главные ученые секретари филиалов и научных центров АН СССР, ответственные работники Госкомитета СССР по науке и технике, МВССО СССР, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК КПУз Ш. Р. Рашидов, члены и кандидаты в члены Бюро ЦК Компартии Узбекистана, заместители Председателя Совета Министров УзССР.

В числе приглашенных были руководители научных учреждений АН УзССР, САО ВАСХНИЛ, отраслевых НИИ, вузов, представители научной общественности, руководители министерств, ведомств и крупных промышленных предприятий республики.

Сессию открыл вступительным словом президент АН СССР, председатель Совета по координации научной деятельности академий наук союзных республик, акад. А. П. Александров. Отметив основные достижения академий наук союзных республик и их вклад в развитие советской науки, он особо остановился на важнейших задачах, выдвинутых перед учеными страны XXVI съездом КПСС.

С яркой речью и приветствием к участникам и гостям сессии обратился Ш. Р. Рашидов. Подчеркнув большую значимость проведения этого важного научного форума в Узбекистане, он выразил уверенность в том, что сессия послужит действенным стимулом для еще более широкого обмена опытом и совершенствования координации научной деятельности в союзных республиках.

Сессия заслушала три доклада и девять выступлений.

Доклад акад. В. А. Котельникова был посвящен совершенствованию координации деятельности научных учреждений в союзных республиках и задачам республиканских академий наук по более эффективному использованию достижений науки в свете решений XXVI съезда КПСС.

Об опыте совместных исследований академий наук республик Средней Азии и Казахстана по важнейшим региональным научным проблемам и перспективах развития этих работ рассказал в своем докладе президент АН УзССР, акад. А. С. Садыков.

Доклад акад. Н. Г. Басова был посвящен дальнейшему развитию и укреплению связей академий наук союзных республик с высшими учебными заведениями страны.

В обсуждении докладов приняли участие председатель Президиума Уральского научного центра АН СССР, акад. С. В. Вонсовский, зам. министра ВССО СССР, член-корр. АН СССР И. М. Макаров, президент АН УССР, акад. Б. Е. Патон, председатель Ленинградского отделения АН СССР, акад. И. А. Глебов, вице-президент АН СССР, акад. П. Н. Федосеев, первый зам. председателя Сибирского отделения АН СССР, акад. А. А. Трофимук, президент АН ТуркмССР, член-корр. АН СССР А. Г. Бабаев, председатель Комиссии АН СССР по изучению производительных сил и природных ресурсов, акад. Н. Н. Некрасов, президент АН АзССР, член-корр. АН СССР Г. Б. Абдуллаев.

Сессия приняла постановления по трем докладам: «О совершенствовании координации деятельности научных учреждений в союзных республиках и задачи республиканских академий наук по наиболее эффективному использованию достижений науки по претворению в жизнь решений XXVI съезда КПСС», «Об опыте совместных исследований академий наук республик Средней Азии и Казахстана по решению важ-

нейших региональных научных проблем и перспективы развития этих работ» и «О дальнейшем развитии и укреплении связей академий наук союзных республик с высшими учебными заведениями».

13—15 мая участники сессии познакомились с деятельностью научно-исследовательских учреждений республики, беседовали с учеными и работниками вузов, промышленных предприятий.

Во главе с акад. А. П. Александровым группа ученых и ответственных партийно-советских работников посетила институты Ядерной физики, Химии и физики полимеров, НПО «Кибернетика» АН УзССР, объекты Джизакской области и др.

Вице-президент АН СССР, акад. В. А. Котельников встретился с учеными, работниками Президиума АН УзССР, ведающими вопросами координации научных исследований в республике.

Вице-президент АН СССР, акад. П. Н. Федосеев принял участие в совещании актива идеологических работников Ташкента и столичной области. Группа ученых под его руководством посетила Институт востоковедения, где встретилась с руководителем НИИ, зав. отделами, секторами, а также с научной общественностью ряда институтов гуманитарного профиля.

Участники сессии во главе с акад. А. П. Александровым осмотрели уникальные памятники древней архитектуры Самарканда, встретились с профессорско-преподавательским составом и научной общественностью СамГУ.

Другая группа ученых посетила Институт археологии АН УзССР и Всесоюзный научно-исследовательский институт каракулеводства в Самарканде, ознакомилась с достижениями научно-производственного объединения по садоводству, виноградарству и виноделению им. Р. Р. Шредера.

Участники сессии побывали также в ряде институтов АН УзССР, вузов республики (ТашГУ, ТашПИ, ТАДИ), в Ташкентском авиационном объединении им. В. П. Чкалова, музеях города и т. д.

Крупные ученые во главе с академиками Н. Г. Басовым и Н. Н. Некрасовым встретились с активистами городского и республиканского общества «Знание».

Ряд видных ученых выступили по телевидению, радио и на страницах республиканских и городских газет.

М. М. Файзиза

КОНФЕРЕНЦИЯ ПО ВОПРОСАМ КОМПЛЕКСНОГО ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТЕХНИЧЕСКИХ СРЕДСТВ ОБУЧЕНИЯ ПРИ ИЗУЧЕНИИ МАТЕРИАЛОВ XXVI СЪЕЗДА КПСС

27 мая в Ташкентском институте повышения квалификации преподавателей общественных наук при ТашГУ им. В. И. Ленина состоялась научно-методическая конференция слушателей и преподавателей ИПК на тему: «Комплексное использование технических средств обучения при изучении материалов XXVI съезда КПСС». Конференцию открыл директор Института, член-корр. АН УзССР М. Б. Баратов. Подчеркнув огромное значение широкой пропаганды материалов XXVI съезда КПСС в студенческой аудитории, он отметил, что одним из действенных средств в этой работе, способствующих совершенствованию учебного процесса, являются технические средства обучения. О необходимости широкого применения их говорилось на съездах нашей партии, а также в ряде постановлений ЦК КПСС.

В Институте стало уже традицией проводить с каждым набором слушателей научно-методические конференции, посвященные разработке методики использования технических средств обучения в преподавании общественных наук, совершенствованию приемов их использования на лекциях, изготовлению наглядных пособий.

С докладами перед участниками конференции выступили: доцент кафедры истории КПСС ИПК Г. А. Реука («Методика применения структурно-логических схем при чтении лекций по материалам XXVI съезда КПСС»), доцент кафедры политэкономии Ташкентского электротехнического института связи И. Катанов («Использование материалов XXVI съезда КПСС в лекциях по теме: «Экономические закономерности постепенного перерастания социализма в коммунизм»), доцент кафедры научного коммунизма Туркменского политехнического института А. Отузов («Использование материалов XXVI съезда КПСС в лекциях по теме: «Классовая структура социалистического общества и пути достижения полной социальной однородности»), ст. преподаватель Азербайджанского государственного университета А. И. Бекбулатов («Использование материалов XXVI съезда КПСС в лекциях по теме: «Материальное производство — основа общественной жизни»), доцент кафедры политэкономии Ташкентского государственного педагогического института иностранных языков им. Ф. Энгельса В. А. Ордуханов («Опыт создания диафильма по материалам XXVI съезда КПСС»).

По докладам развернулись оживленные прения, участники которых затронули различные аспекты разработки средств наглядной агитации по материалам XXVI съезда КПСС, актуальные вопросы учебного процесса и методики использования ТСО в педагогической практике.

Итоги конференции подвела в заключительном слове зав. научно-методическим кабинетом ИПК, доц. Е. И. Богословская. Она отметила оригинальность заслушанных докладов, особенно о диафильме по материалам XXVI съезда КПСС. Этот диафильм, созданный В. А. Ордухановым, получил 1-е место на республиканском конкурсе наглядных пособий по материалам XXVI съезда КПСС.

Участниками конференции приняты конкретные рекомендации, направленные на более широкое и эффективное использование ТСО при изучении истории КПСС и других общественных дисциплин.

В. Ш. Багдасарян

МУНДАРИЖА

Т. Раҳимбобоева, Л. Аббосова. Ҳозирги даврда СССР халқлари маданий ҳамкорлигининг шакллари тўғрисида	3
М. Бобоҳўжаев. СССРнинг Яқин ва Урта Шарқ мамлакатлари билан маданий ҳамкорлигида ЎзССРнинг иштироки (70-йилларнинг иккинчи ярми)	10
С. А. Салимов, Р. А. Габдукаев. Бошқариш структураларини корхонанинг кичик бўлимлари билан такомиллаштиришга доир	16
М. А. Аҳмедова. Социал тажриба ва уни тарихий нуқтаи назардан ўрганишнинг аҳамияти	22

Илмий ахборот

А. Р. Муҳамедов. СССР Давлат гортехнадзори системасининг контрол-назорат функцияларини оптималлаштиришга доир	27
С. Ражабов. Ривожланган социализм даврида Ўзбекистон қишлоқ меҳнаткашлари моддий фаровонлигининг ўсиши (Хоразм области материаллари асосида)	28
Д. Д. Ҳасанова. Ўзбекистон қишлоқ меҳнаткашларининг ишлаб чиқариш шароитларини янада яхшиланиши	30
А. С. Саъдуллаев. Ўзбекистон жанубидаги қадимги йўллар	33

Историография

А. Ч. Абуталипов. Урта Осиёда босмачилик: француз советшуносларининг уйдирмалари ва тарихий ҳақиқат	39
---	----

Янги китоблар

Н. Қ. Созикни. Э. А. Алиқулов. Асосий ишлаб чиқариш муносабатлари ва социализмнинг асосий иқтисодий қонун	46
З. М. Исломов. Ш. Ғуламов. Совет сиёсий системаси	47
Ж. Туленов, Э. Юнусов, З. Ғофуров, С. Утанов. Саид Шермуҳамедов. Социалистик маданият тараққиёти назарияси ва практикасининг баъзи масалалари	48
Х.-А. Р. Раҳмонқулов, Г. П. Саркисянц, И. Б. Стерник. Ш. Ш. Шораҳматов. ЎзССРнинг граждан-процессуал ҳуқуқи	48
Р. Рабиҳ. СССРнинг қадимги даврлардан бизнинг кунларгача тарихи. Иккинчи серия. XI-том. Совет Иттифоқи ривожланган социализм йўлида. 1945—1961 йиллар	49

Хроника

М. М. Файзиев. Иттифоқдош республикалар Фанлар академиялари илмий фаолиятларини координациялаш бўйича навбатдаги кўчма сессия	51
В. Ш. Бағдасаров. КПСС XXVI съезди материалларини ўрганишда ўқитиш техникаси воситаларидан комплекс фойдаланиш масалаларига бағишланган конференция	52

СОДЕРЖАНИЕ

Т. Рахимбабаева, Л. Абасова. О формах культурного сотрудничества народов СССР на современном этапе	3
М. Бабаходжаев. Участие УзССР в культурном сотрудничестве СССР со странами Ближнего и Среднего Востока (Вторая половина 70-х годов)	10
С. А. Салимов, Р. А. Габдукаев. К совершенствованию структуры управления первичными подразделениями предприятия	16
М. А. Ахмедова. Социальный опыт и его значение в историческом познании	22

Научные сообщения

А. Р. Мухамедов. К оптимизации контрольно-надзорных функций системы Госгортехнадзора СССР	27
С. Раджабов. Рост материального благосостояния сельских тружеников Узбекистана в условиях развитого социализма (На материалах Хорезмской области)	28
Д. Д. Хасанова. Дальнейшее улучшение производственного быта сельских тружеников Узбекистана	30
А. С. Сагдуллаев. Древние пути на юге Узбекистана	34

Историография

А. Ч. Абуталипов. Басмачество в Средней Азии: домыслы французских советологов и историческая действительность	39
---	----

Новые книги

Н. К. Созыкин. Э. А. Аликулов. Основное производственное отношение и основной экономический закон социализма	46
З. М. Исламов. Ш. Уразаев. Советская политическая система	47
Ж. Туленов, Э. Юнусов, З. Гафуров, С. Утанов. Саид Шермухамедов. Некоторые вопросы теории и практики развития социалистической культуры	48
Х.-А. Р. Рахманкулов, Г. П. Саркисянц, И. Б. Стерник. Ш. Ш. Шаррашметов. Гражданское процессуальное право Узбекской ССР.	48
Р. Рабиш. История СССР с древнейших времен до наших дней. Серия вторая. Том XI. Советский Союз на пути к развитому социализму. 1945—1961 гг.	49

Хроника

М. М. Файзиев. Очередная выездная сессия по координации научной деятельности академий наук союзных республик	51
В. Ш. Багдасаров. Конференция по вопросам комплексного использования технических средств обучения при изучении материалов XXVI съезда КПСС	52

НАШИ АВТОРЫ

- Ахмедова М. А.**— доктор философских наук, зав. кафедрой научно-коммунизма ИПК при ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Бабаходжаев М.**— доктор исторических наук, зав. сектором стран Среднего и Ближнего Востока Института востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.
- Багдасаров В. Ш.**— доктор исторических наук, зам. директора по научной и учебной работе ИПК при ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Рахманкулов Х.-А. Р.**— доктор юридических наук, зав. кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета СамГУ им. А. Навои.
- Саркисянц Г. П.**— доктор юридических наук, зав. кафедрой уголовного процесса юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Стерник И. Б.**— доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса юридического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Туленов Ж.**— доктор философских наук, проректор по науке Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.
- Файзиев М. М.**— доктор юридических наук, зам. председателя Совета по координации научно-исследовательских учреждений УзССР, зав. сектором сравнительного правоведения Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.
- Абасова Л.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Гафуров З.**— кандидат философских наук, доцент кафедры диалектического и исторического материализма ТашГПИ им. Низами.
- Исламов З. М.**— кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права юрфака ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Мухамедов А. Р.**— кандидат юридических наук, ст. научный сотрудник СОПС АН УзССР.
- Рабич Р.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Рахимбабаева Т.**— кандидат исторических наук, ст. научный сотрудник Института истории АН УзССР.
- Сагдуллаев А. С.*— кандидат исторических наук, ст. преподаватель исторического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Салимов С. А.**— кандидат технических наук, доцент, директор Ташкентского ПКБ АСУ.
- Созыкин Н. К.**— кандидат экономических наук, доцент кафедры политэкономии СамГАСИ.
- Утанов С.**— кандидат философских наук, доцент кафедры диалектического и исторического материализма ТашГПИ им. Низами.
- Юнусов Э.**— кандидат философских наук, доцент кафедры диалектического и исторического материализма ТашГПИ им. Низами.
- Абуталипов А. Ч.**— преподаватель исторического факультета ТашГУ им. В. И. Ленина.
- Габдукаев Р. А.**— зав. отделом научно-технической информации Ташкентского ПКБ АСУ.
- Раджабов С.**— ст. преподаватель Хорезмского государственного педагогического института.
- Хасанова Д. Д.**— аспирант Института философии и права им. И. М. Муминова АН УзССР.

Цена 40 к.

Индекс
75349